18+

А. Павловский

КАРБОЛИТОВОЕ СЕРДЦЕ

Алексей Павловский

Карболитовое сердце

«Издательские решения»

Павловский А.

Карболитовое сердце / А. Павловский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747091-3

Трудно живётся списанному боевому киборгу. От памяти цензура оставила странные обрывки, а по утрам болит сожжённый западный мост. Что же делать? Прежде всего — умыться, покормить наглого соседского кота и идти к метро, за кофе и сигаретами. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-747091-3

© Павловский А.
© Издательские решения

Содержание

Долгая смерть поэта 6
01. Геоподоснова 6
02. На районе ночью 10
03. Крокодилы ходят лёжа 12
04. Ограбление века 14
05. Пир духа 19
06. Слово Князя Игоря 22
07. Думку думати 24
Жизнь настоящего финика 25
Самые длинные спасы 32
01. Собачий час 32
02. Звонок другу 33
03. Лошадь и дрова 34
04. Небольшое отступление 35
05. Оборотень Рома и дрова 37
06. Расследование 39
07. Четыре контакта 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Карболитовое сердце
Алексей Павловский

© Алексей Павловский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Долгая смерть поэта

01. Геоподоснова

Внезапно главной проблемой стали ботинки. Они развалились окончательно. Нормальных сапожников на Теплаке не было, все стали модельеры и норовили шить модельную обувь. На Китай-Городе евреи драли втридорога, а хитрованы хоть и предлагали нулёвую обувку, ещё старого времени, со складов, но стоила она как крыло от самолёта. К тому же за хорошие коркораны запросто могли пристукнуть за гаражами, а при покупке никто не гарантировал, что нитки не погнили. И что? А то, что уже на третью заброску Ваня ходил в валенках с калошами, как дурак. И сегодня одну калошу пролюбил. И вот он в сланцах.

Именно на этот бункер Филин возлагал особые надежды: здесь царила великая сушь. Он даже нашёл в монтерских шкафчиках вполне живые, почти не ношенные берцы, но на два размера меньше нужного. Боты тут же хищно цапнул Рамен, которому они были на три размера велики. Мол, на носок носить стану.

Теперь обломавшийся Филин глухо матерился, подставляя покрытые скверной руки под кран. Почти всё в бункере было в исправности, дизель запускай – и живи, пока здоровья хватит. Даже вода была. Скорее всего. Во всяком случае, труба издавала гулкие предсмертные хрипы, и вот уже забулькало, и в этот момент древний охотничий инстинкт отбросил Ваню прочь от раковины. Тотчас в серую эмаль ударила густая ржавая струя, размётываясь по сортиру вонючими брызгами. Запахло дерьмецом. Обтекая, Филин поразмыслил, что хуже ему уже не будет, потому что и так весь покрыт скверной поверх одноразового комбеза. Он принялся мыть руки – вода уже светлела. И даже мыло есть!

Через десять минут Ваня, сменивший комбез, был чист и свеж, и почти не пах трупом.

Тот, кто собирал здешних мертвецов, был лентяй и чистюля, никого не обыскал. В результате Филину пришлось переворошить целую гору скверны. Конечно же, в одиночку – Рамен предсказуемо откосил от сомнительной чести.

Все, поголовно все были больны Румынским смехом первой волны – судя по синеватым негниючим прионным нитям в основании черепа. Но померли все не от смеха, а от эктоплазмоза, спорами которого был обильно заражён бункер.

Филину обе заразы были по барабану, потому что у него был нормальный медицинский модуль, а вот древнему Рамену с его отсталым железом Ваня с удовольствием вколол конскую дозу убитой эктоплазмы в тыльную часть организма. Зелье было на масляной основе, и старичина орал, как потерпевший.

Железо у мёртвых стояло антикварное, и то даже не у всех. Здесь Филин впервые увидел гемофильтры, здоровенные латунные гильзы в бедренной артерии, модели «мой любимый тромб». Процессоры аж с кулак, с гравированным Железным Львом. Медблоки с прозрачными стеклянными картриджами. Пустыми. Всё такое красивое, тёпло-ламповое – и такое бесполезное…

По результатам обыска Ваня получил несколько связок ключей, в том числе от вожделенного второго блока. На той же связке болтался и ключ от некоего третьего камерона. Вместо сокровищ Тутанхамона в камероне обнаружился чистый сортир, в котором Филин теперь отмывался.

Помимо всякой забавной мелочёвки попались два пистолета, все в жутких зеленоватых разводах. Дрянь-Лебедянь напрочь погнила, а вот ТТ-шку Филин планировал привести в чувство. Один ТТ у него уже был, но что-то вдруг захотелось побегать с двумя стволами, как Николас Кейдж в художественном фильме «Без лица».

Замотав хабар в стрейч-плёнку, Ваня направил стопы во второй блок, в архив, где счастливый Рамен копался в ветхих бумагах.

– Ванюша, ты даже не представляешь, что это… Раньше диггерьё могло за такие бумажки убить! Или страстно отдаться. – Рамен пытался шутить, но самого так и колотило от возбуждения. Он даже нюхнул безбрежные сизые простыни схем, немедля звонко чихнув, чем поднял клубы едкой пыли. Редкие седенькие космы взметнулись и опали.

Филин поправил респиратор и угнездился поудобнее на скрипучем конторском стуле. Подумав, добыл из-под стола табуреточку, чтобы ноги закинуть, и перегнездился. Старого явно пробивало на потрындеть. А Филин что? На то и Филин, чтобы слушать. До ночи время есть. Тем более что ни в бункере, ни в подходняке никого нет.

Иногда диггер начинал бесить, и тогда Ваня напоминал себе, что в одиночку спалился бы. Если не сразу, то на том, третьем датчике в стволе – уж точно. И слушать надо, даже необходимо. Иначе старичина забухает, что на заброске – недобро. Рамен, воздев узловатый палец, изрёк:

– Это геоподоснова!

– Ну, за ней, собственно, и шли. – Филину как-то не передавалось стариковское волнение. – Повезло, конечно…

– Дурилка ты, Ваня! Вот, смотри, тут всё одно на другое наложено. Они под конец смотрели, что у них вокруг, наверху и внизу. Интересовались. – Рамен неприятно хихикнул в бороду. – Вот прямо над нами кабельник, чуть в стороне – похоже на метро, сто пудов метро, а вот эта штука, на секундочку, на отметке двести пятьдесят. А там – речка подземная.

– У нас есть подземные реки? Как в Чехии? – Филина учили быть приятным собеседником.

– Вы, наружные, такие все дикие! – Усмехнулся старый диггер. – Карста под Москвой нет, двадцать метров самый большой. Это обычная речка, убранная в коллектор. Чичорра!

Филин аж вздрогнул от неожиданного пиратского клича, но сообразил, что это название реки. Может, Чичёра какая-нибудь? Каррамба! Где-то через полчаса, нежно закруглив беседу, он пошёл смотреть, слушать и думать. Вслед ему из гермодвери высунулась клочная диггерская борода:

– Они неподъёмные! Три рулона схем этой геоподосновы!

– Да хоть десять. Жди меня, и я вернусь. – Когда Ваня сворачивал в коридор, в недрах склада с оттягом шлёпнулось об пол нечто мягкое, и Рамен победно простонал:

– Пять рулонов! И здесь ещё из архива Мострансметрогипростроя! Папки!

– Только очень жди!

Филину было совершенно не понятно, что такого можно найти под землёй, чтобы задержаться здесь хоть на минуту долее необходимого. Душно, пыльно. Хоть сухо, хоть мокро – попить не найдёшь. Путей отхода никаких. Мертвецы ещё. Откуда у диггерья этот огонёк в глазах?

Обшитый железом коридор упирался в незапертую гермодверь технического отсека. Внутрь вела тропинка грязных следов, туда же тянулся толстый кабель – в недрах отсека пряталась водооткачка. Уже после гибели бункера некий геройский ликвидатор запитал насосы снаружи. Третий и шестой блок оставались незаражёнными, и дренаж был нужен. Сейчас там, за забутовкой, были склады и вроде бы до сих пор жили некие агорафобы. Оставалось надеяться, что туземцы не заметят внезапный расход воды от Ваниного мытья.

В гулкой тёмной дизельной знакомо пахло старым тленом. Со временем запах становится тонким и изысканным. Фонарь высветил титанические дизеля и генераторы, наполовину утопленные в бетон, цистерны для соляры и масла, – безнадёжно пустые, – и ещё много чего. Прежде всего побитую жизнью телегу-рохлю – вот на чём те рулоны к стволу везти! Железный трапик вёл наверх, на второй этаж к двери с надписью «дизелисты».

За простреленной с обеих сторон гермодверью обнаружилась слесарка со станками и верстаком. На столе стояли чашки, чайник, даже коврик у дверей лежал на положенном месте. Чай в открытой пачке был негоден – вот гадство! Мимимишное впечатление слегка портила скверна на стуле в углу. Из разлезшейся чёрной груды желтели кости. А может, это тот самый ликвидатор, что кабель сюда притащил? Сходил в один конец… Может, и так.

Филин уже сто раз работал под землёй, но от всего вот этого вот по-прежнему ощущал тянущую безнадёгу. Запертое изнутри бомбоубежище с неработающей вентиляцией. В подходняке слой грязи в палец. А ну-ка угадай, что там внутри? Если не затоплено – всегда одно, и этого не развидеть. А затопленное ещё и откачивать придётся – тоже работка…

А то ещё бывает, убежище – натуральный склеп, все ужасы ночи, а мимо скверны в пыли подметена тропинка к водооткачке, и насосы – новенькие и работают. Потому что контракт, или потому что дренажка объекта общая с какими-то ещё живыми сооружениями… Ну, почти как здесь.

Логично, что последний в конце концов оказался именно у генераторов. Всех остальных этот невмиручий затейник аккуратно рассадил и разложил в кабинете начальника объекта, щедро залепив дверь скотчем. Рамен считал, что чувак сошёл с ума, а Филин стоял за личные счёты и санитарию. Потом, наверное, сидел тут, пока не затих дизель. Может, даже дождался, пока сядут аккумы. Да всё одно же: вот пистолет, вот бурые брызги на стене.

Всё-таки до самого конца бедолага тянуть не стал – в уголку под верстаком нашлись маленький генератор и полканистры бензина. Филин возликовал, так как ненавидел физический труд. Впрочем, он и умственный-то недолюбливал. Пистолет Ваня прибрал, кстати. «Макаров» тоже сгодится, на халяву-то.

Дальше было просто. Где-то там тарахтел душный генератор, ныла лебёдка, выплывали из тьмы вентствола в руки Филину любовно упакованные рулоны. Счастливый Рамен бухтел снизу в рацию, что не коридор, а ходок, причём грузовой ходок, и не отсек, а блок, причём технический. И учись, учись, салага, а то всю жизнь наверху просидишь.

Ночь. Первый глоток мерзоватого московского воздуха пленителен, сладок и бьёт по мозгам как спирт. В этом воздухе озон, запах снега, угольной гари и непременного дерьмеца – всего этого, кроме дерьма, внизу и в помине нет.

Старый Рамен щурился, как кот, испытывая своё извращённое диггерское удовольствие. Он не раз говорил, что у диггера два кайфа: залезть в подземлю и вылезти из подземли.

Они, диггера эти, вообще странные были, всё у них с ног на голову. Рамен рассказывал Филину про свои любимые «лихие девяностые». Мол, семенит по улице домой припозднившийся цивил, и всё вокруг опасно, бандиты-братки повсюду. От теней шарахается, бедолага, от фонаря к фонарю перебегает, а уж в переулок заглянет – вообще ужаснётся, там темно, дерьмища навалено, аммиаком шибает и неприятностями. И цивил совершенно прав в своих опасениях, рано или поздно он добегается.

Но ровно в то же самое время в этом же самом переулке со скрежетом отодвигается люк, и из облаков сытного пара вываливается в лужу щуплый диггер, грязный и довольный. Закрывает люк как было, отбегает за ближайшую кучу мусора и, такой: «Ф-фух-х!» Открывает бутылочку пива, закурив сигаретку, и этот жуткий криминогенный проулок мил ему, как дом родной. Три часа ночи, тёмная подворотня, ментов не видать, не слыхать, на выброске не спалился – лепота! Лучшее место первопрестольной.

Гопники диггеров не трогали, потому что не стоит трогать чумазого очкарика с гвоздодёром, хоть даже во мраке родной подворотни. Денег у того наверняка нет, а друзья есть, да и болторезом по куполу огрести можно легко. Так что пусть гуляет от греха подальше…

Буквально через минуту после звонка во двор зарулил грузовой каракат из гаражей в Мамырях – любимая отработала чётко. Из пурги членистоногим ангелом спустился коптер

с камерой, потребовал свежих аккумов. С водительского сиденья чортиком выскочила Тра в сноубордерском комбезе, мигом перещёлкнула летуну батареи, и только потом обняла Ваню:

– Филин, ты тупица. Ты у меня в кузове калошу посеял…

Тут можно бы подробнее рассказать насчёт Тры и её необычной истории, но там их личные шуры-муры с Ваней. Так что потом как-нибудь.

Коптер свечкой ушёл в метель – смотреть дорогу. Ещё через две минуты у неприметной вентиляционной отдушины в чреве мёртвого дома не было никого.

02. На районе ночью

Со смелой Трой на каракате Рамен расплатился сразу по прибытии на район – не было резона впутывать деву в остальное. И делиться остальным тоже резона не было. Во вьюжной мгле, кряхтя и попукивая, они вдвоём с Филином перетаскали добычу в стариковскую берлогу в девятиэтажке, змеившейся через весь пятый микрорайон.

Тут же диггер вежливо, но решительно выпинал Ваню прочь. Почёсывая репу, тот постоял под дверью и послушал, ожидая, какого-нибудь бурного извращённого соития с чертежами, но старичина только шуршал, чихал да мерзко скрипел карандашиком – в общем, занимался старой доброй архивной работой. Олдскульной аналоговой архивной работой, тёплой и ламповой. «Ну и хрен с тобой, золотая рыбка!» – позавидовал Филин и, закрутив лихую самокрутку, отправился домой, спать.

Три часа ночи зимой – собачий час. Удивлённый китайский гадатель возразил бы, что три ночи – это переход от часа быка к часу тигра, когда тигры особо свирепо рыщут в поисках добычи. Мы бы терпеливо выслушали его кантонский диалект и возразили, мол, ты по сторонам посмотри, циньшихуан недобитый, какие тут тигры на Теплаке, кроме котов? Собачий час, как есть собачий. Бу тхай хао.

На улицах никого, фонари синеют вполнакала через один, а Филин идёт себе в пятне солнечного света, идентичного натуральному. Ближние фонари просыпаются, светят лучиком ему под ноги, а потом задумчиво глядят вслед, пока вновь не задремлют.

Бесконечные ряды девятиэтажек слитно сопят тридцатью тысячами носов, в основном сопливых по зиме. В каждом подъезде непременно кашляет на кухне кто-нибудь древний и ветхий, вспоминая за кофием, как эти девятиэтажки были совсем-совсем другими. В которой было двенадцать, а в которой и все двадцать два этажа, и именно в эти верхние этажи чаще всего прилетало при обстреле. Панельные дома оказалось проще разобрать, чем чинить, к тому же панели были позарез нужны для устройства блокпостов и заграждений. И в конце концов князинька решительно подстриг весь район под девять этажей, уплотнив поредевшее население.

Чтобы народ не тосковал, владетель перекрыл униженные дома деревянными мансардами-теремками. Город стал экзотичен, будто росли себе унылые советские строения, а потом все вдруг спохватились, вспомнив духовные скрепы, да и расцвели махровой грибной берендейщиной.

По конькам и наличникам весь Тёплый Стан пышно расцвёл резными-расписными сиринами, горгульями, шакти и лениными. Так князь трудоустроил до батальона беженцев, всех, у кого руки не из задницы. Бежали от румынского смеха, но, как известно, не убежал никто, и творчество выживших стало донельзя сюрреалистично. Для многих сюжетов даже славно, что всё вырезано мелко и на уровне десятого этажа. Однако теплостанские резчики теперь повсюду славятся. Как обычно, княжьи дела дали обильные причудливые плоды.

По другой стороне улицы несли друг друга к метро два Очаковских дембеля, ДД и Сугроб. Пышные аксельбанты на ушитой форме ослепительно сияли в фонарном луче. У метро, в круглосуточном «Му-му» можно было ещё добавить, и даже прилечь. Хмельные соколы радовались штатской свободе и истошно орали на людоедско-фашистский мотив: «Новые пого-оны – старая снаряга, В роте новый командир и новая прися-ага!»

Сверху, из фонаря, за ними телевизионно следил квартальный Силантьев, ухмыляясь в усы. Парни давно уже наработали на всяческие грозные кары, но Силантьев до сих пор отлично помнил свой собственный дембель, и продолжал попивать кофий на боевом посту.

В свете всего вышеизложенного неудивительно, что Филин в задумчивости отклонился от праведного пути домой и обнаружил себя в спорт-баре в ста метрах от подъезда. Под про-

клятия биллиардистов, тонущих в самокруточном дыму, ему сразу налили пятьдесят спирту и разогрели жареного мяса. По телевизору крутили танковое родео, полуфинал в Волчанске.

03. Крокодилы ходят лёжа

Отоспаться Филину не дали, и дверной звонок сверлом ввинтился в висок. Только и успел, подобно Дракуле, вскинуть скрюченные длани, а бабушка уже приветливо впускала в прихожую Рамена, угрожая чаем и оладушками. На часах было восемь. Все были неприятно бодры. «Вот обрежу звонок, как есть обрежу» – с усталой тоской подумал Ваня.

В миру диггер Рамен смотрелся последним теплостанским бомжиком, прямиком из Красной книги: бородёнка, псивое голубенькое пальтецо с торчащим синтепоном, ушанка, какие-то чуни рвотные, дюралевая палка да непременная «хозяйственная сумка-тележка» повышенной проходимости. Старый нежно говорил, что «эти идиоты с ней в метро пускают». Очевидно, через могучую сумку в метро попало много ранее в метро не виданного. Сейчас вместилище бугрилось углами, а наружу торчали лом и хвостовик метрового сверла от перфоратора. Зрелище не обещало отдыха.

Так оно и вышло. Филин едва успел одеться-умыться, а Рамен с бабушкой уже и чаю попили, и оладушков поели, и о делах поворковали (он деликатно приглушил их канал), и собрали всё к выходу. Когда им надо, эти старики такие быстрые…

Филину выдали оладушек в пасть, тормозок с обедом – в рюкзак, и попутного шлепка в тыльную часть организма. Не избежал он и ритуального обматывания десятками метров бабушкиного шарфа. Шарф был немедля накручен на катушку витой пары и скрыт в пожарный шкаф у мусоропровода.

Наличие геоподосновы меняло всё. Уж на что Рамен знал теплостанскую подземлю, но и сам не ожидал, что достаточно в трёх местах подолбить, прокопать десять метров тут и пять – там, чуть-чуть подвзорвать – и вот он, прямой путь от подвалов кинотеатра «Аврора» до разбитой заправки у самого МКАДа.

Официально заправка значилась площадкой консервации техники. За забором ржавели несколько танковых корпусов, а также пара десятков прицепов: в основном аквааторы, но была и пара заслуженных крематориев. В третью эпидемию Румынского смеха адовы машины переработали две трети населения Теплака, а без них район и вовсе обезлюдел бы от заразы. С тех пор старая заправка стала прибежищем барсуков и лисиц: в этом милом месте даже вездесущие пацаны не шастали.

На взрывы алюмотола, вопреки филиновым опасениям, никто внимания не обратил. Такой уж народ на Теплаке, привычный к подземным взрывам. Или же коммунальщиками овладела хорошо проплаченная выборочная глухота. И на датчиках нигде не спалились – както не попадалось датчиков.

Тяжко далась лишь рукопашная проходка. Рамен притащил множество интересных предметов: совочек, тыкалки, надеваемые на ноги, спинку, чтобы упираться, и даже дощечки для крепи, второй ходкой. Так, на спине, перебирая ногами по-велосипедному, чуть больше чем за сутки Ваня прорыл нечто длинное для ходьбы лёжа. Поганый Рамен вновь отговорился слабосильностью, принёс фляжку спиртяги и тупо отсутствовал, так что оттаскивать землю пришлось тоже самому.

Когда работа была завершена, всего полторы пяди дерьмобетона отделяли товарищей от подземелий «Авроры». Любитель прямолинейной прямизны ринулся бы в киноху напролом через кабельный коллектор, в объятия свежей сигналке. Вот что ты поделаешь с автономными датчиками объёма? Ничего не поделаешь. Так что истинно прямой путь прошёл через кабельники, дренажку, подвалы, через разбитую бомбяру, рабочую бомбяру («здесь идём тихо и не тронь тот геркон!»), и даже несколько метров по старой фекальной канализации. Ваня не уставал благодарить Господа, что большая часть подземли была сбита воедино ещё в войну, когда люди тут месяцами жили.

Тёплый Стан явил смелым все чудеса своих недр, кроме подземной речки. На том землекоп положил язык на плечо и отправился спать.

04. Ограбление века

Рамен вновь нарисовался через три дня, притащил с собой некоего Крыса, румяного откормленого вьюношу с громким смехом. Зачем им весёлый Крыс, Филин не понял, решив о том не думать до поры.

Дальше всё было стандартно: сто метров шарфа, обед с собой, сухонький клевок в щёку и шлепок по заднице. В щель закрывающейся двери Филин заметил, что бабушка его крестит. «Ой что-то решится сегодня» – подумалось Ване. Да это и так очевидно было.

У подземного перехода к метро, помахивая сверкающим стетоскопом, солидно вышагивал доктор в шапочке и белом халате. На каждого прохожего он топорщил густую белую бороду, и без стоматологического флаера было уже не уйти.

За докторской спиной стоял казачий БТР с чёрно-фиолетовой Полистовской полосой, а на широкой броневой спине памятником самим себе торчали два казака в косматых шапках. Обмотанные пулемётными лентами, как терминаторы, служивые сурово глядели куда-то вдаль. В сторону магазина, не иначе.

Казаки проявились на Теплаке с месяц назад, после ротации на позициях за Вороново, и это были неправильные казаки. Пришли на зимние квартиры. Теперь в предбаннике каждого магазина врастали в кафель по два-три хмельных героя, все в лампасах, и рассказывали о своём героическом героизме. Насколько Филин знал, на Вороновском плацдарме ещё с весны действовало аппаратное прекращение огня, но кого волнуют детали?

После каждой ротации в армиях окрестных государств на Тёплый Стан непременно накатывала мутная волна дембеля и дедов в отпуску. Всё-таки самое цивилизованное место на МКАДе: рынок, киноха, халявный вайфай. Отопление в нумерах! До сих пор князиньке как-то удавалось всех прибрать к присяге или сплавить. На Теплаке с вменяемого человека дембельский шик слетал, как с белых яблонь дым, за неделю, не больше. Паводок героев случался пару раз в год, и после каждого нашествия поседевшие кадровики и городовые дружно шли в отпуск.

Только вот с Полистовскими казаками вышла осечка. Они целиком заняли старый кинотеатр «Аврора», всерьёз намеренные зимовать на районе именно в казачьем качестве. Так сказать, широко трактовали понятие союзнического долга. Теперь перед крыльцом кинотеатра громадились дрова из заповедного Тропарёва, и тут же в полковом котлище варилось что-то с мясом. На антенне стоящей рядом чорной БРДМ-ки сушились портки.

Все знают, что жизнь в городе начинается, когда в него заходят гусары. Волоокие девы Тёплого Стана тех моторизованных венгров до сих пор с теплотой вспоминают да лайки им ставят. Только вот казаки – не совсем гусары. Как говорят трепещущие враги, русский казак – это смесь православия с мародёрством.

Не далее как вчера Филин наблюдал на рынке сурового пулемётчика, убеждавшего торговцев, что безопасность нынче стоит денег, или хотя бы скидок на картоху. Потому что так везде, и так же будет в вашем Тёплом Стане! Вот только с местом предъявы боец ошибся: он не рискнул читать свою проповедь в чистых галереях «Принц-Плазы», и на ярмарке за ней тоже помалкивал – там-то каждый третий такой же бодрый и усатый, а остальные – бабки, которым вообще всё равно.

Течение неуклонно затягивало воина всё глубже, пока он не оказался в самом средоточии Тош-Толкин Базара, чьи сумрачные галереи рассекают кварталы-махаля и хутуны Узкого. Там, в глубине, торжище расслаивается аж на четыре этажа. Путешественники рассказывают, что на верхних ярусах рынка всё черным-черно, а славянской речи в помине не слышно. Там все сплошь в поясах шахидов, а один дружинник как заблудился, так и выбрался потом аж в самой Фергане. Из Тош-Толкина можно годами не выходить на улицу, питаясь лагманом и мантами,

подстригаясь, одеваясь, раздеваясь, зарабатывая и проигрывая деньги, а также переводя их в любую точку глобуса через княжьих хаваладаров.

Филин как раз приобрёл себе приличные берцы «Спецназ», ещё старых времён. Он отыскал их в дальнем закоулке третьего этажа, а потом на первом пламенно выторговал себе клёвую баранью ногу с курдючным жиром. Ваня уже расслабленно покуривал-трепался с Фаридом, мясником-халяльщиком, когда в соседнем ряду началось казаческое представление. Фарид печально указал топором на безобразия и негромко промолвил:

– Гляди, Филин, вот ведь свинья пьяная. Каждый день такие ходят, да? Хрен ему по всей морде, а не скидки!

Действительно, торговым обществом в радиусе поражения казака внезапно овладел языковой кретинизм вавилонский. Раскрасневшегося пулемётчика окружали совершенно ничего не понимающие восточные лица, словно вырезанные из тёмного дерева. И отвечали ему, сочувственно кивая головами. Отвечали по-татарски, по-узбекски, по-турецки. По-вьетнамски. И не только. У пулемётчика появился неиллюзорный шанс заблудиться и выйти в Фергане – вот так и рождаются нездоровые сенсации.

Это всё там же, где вот только что Ване кричали: «Подходи, дорогой, груша – сладкий мёд! Вечерний базар!» Инересно, что владетель нашего болезненно многонационального города намерен делать со всем вот этим?

Но это всё лирика. Близилось Дело.

Под землю заходили недалеко от кинотеатра через бомбоубежище 94-ой поликлиники, невзначай открытое. Заперлись, присели среди груд фанеры и досок – кто-то тут столярил. Дальнейшие действия обрисовал не Рамен, а внезапно Крыс.

– Сначала ты, Филин, слушаешь всё, что можно, из-под самой стенки «Авроры». Прежде всего интересно, где и сколько казачков в подвале. Очень важно, чтобы никто не погиб. Дальше заземляемся, тщательно заземляемся, надеваем масочки-гайфоксовки, перчатки не снимаем. Я взрываю стенку, тачку перед входом и джеммер. Надеюсь, это отрубит электронику. Мы всё собираем, а ты, Ваня, всё так же слушаешь. И тикаем до самого МКАДа. На поверхности вторая треть денег капает на счёт, и расходимся. Могу потом желающих подвезти до Троицка. И даже советую. Окончательный расчёт после, когда дерьмо уляжется. Как-то так.

Сулящий деньги Крыс сразу вырос в Ваниных глазах. А что ржёт всё время – пусть его ржёт, можно и потерпеть. Польза от Крыса стало ещё более очевидна по пути. В ключевых точках маршрута уже сидели маленькие аккуратные заряды – ровно столько, чтобы потолок сел, если вдруг потребуется. По стене тянулся солидный силовой кабель, по углам тихарились датчики. У самого весельчака-подрывника обнаружился древний нетбук, к которому тот не подпускал, как альфа-самец к заду. Интересно, чем ещё можно управлять с этой невзрачной машинки?

Под самой «Авророй» Филин расслабленно прилёг на земляной пол собственноручно прорытого тупикового шкурника, привычным усилием начиная загрузку. Матушку Сыру Землю слушать – не баранки трескать. Нужен хороший физический контакт. Выносные микрофоны вот туда на бетон и туда. Рамен, блин, можешь не егозить? Лучше вот эти вот колышки повтыкай, туда, подальше. А эту фигню на улицу через люк выкини. Только шлейф не передави.

Где-то там, под сердцем, Ванино ядро с царственной неторопливостью разворачивало павлиний хвост хитрых программных микшеров, фильтров, спектроанализаторов. Потом всё это должно летать быстрой птичкой в нереальном времени – скажем, в боевой ситуации. На практике летает в точности как павлин. И вообще, для нормальной работы лучше прилечь. В боевой ситуации, конечно же. Звуковой редактор неспешно протестировал наличные ресурсы, нагло откусив половину оперативы.

Даже на холостом ходу процессоры начали печь подбрюшье. Жжёный западный мост отзывался ледяными уколами в бок. В консоль летела немецкая ругань об ошибках. Это надо претерпеть. Наконец, с Ваней суетливо поздоровался как всегда опаздывающий розенталь-процессор, и стало можно работать.

Вдалеке по перегону метро протарахтел мотовоз, чётким стуком обозначив всю подземную архитектуру. Осталось только совместить очертания с куском оцифрованной геоподосновы.

Трамвай и танк. За пять минут они достаточно точно прорисовали своим грохотом окрестные дороги и трубы дренажки. Танк, кстати, невдалеке ползает – казачий, не иначе.

А вот в подвале старого кинотеатра за стенкой, и за ещё одной стенкой, вот так, работает стокиловаттная вентиляция, наполняя рёвом обширную венткамеру… Этот шум фильтруем, чтобы не мешал.

Грохот вентилятора как отрезало, и по венткоробам сверху пришли неясные пока ещё звуки. Направленный микрофон, выкинутый Раменом наружу, принялся глазеть на окна кинотеатра, то в одно, то в другое.

Каждый чих, получив своё место в базе, бывал усилен, перемодулирован, обрезан по частотам, обжарен и подан с маслом на стол размышлений.

Через десять минут контакторы жгли кость Филиновой головы, гоняя по мозгу холодную мигрень, а стиснутые зубы ныли, но теперь на электрокарте здания и прилегающей местности были помечены красным аж сорок два человека и синим – пять единиц всяких электрических глюкотронов. И все метки Ваня с переменным успехом вёл и отслеживал. В учебке у него пятёрка по ведению была.

Большая часть казаков смотрела в малом зале «Голубую бездну» с семками и сухариками, кто-то в баре нахваливал борщ, многие дрыхли в фойе, а на третьем этаже в директорском сортире некто плодотворно заседал с глянцевым, судя по шуршанию, журналом – атаманом будет. Так и пометим. На посту в подвале стояли всего двое, точнее, лежали и совокуплялись.

– Казак с казачкой? – Ваня не успел отключить усиление, и удивлённый голос Рамена как молотком в лоб ударил.

– Казаки-и! – взвыл Филин, – как есть казаки! Ну, один – кыргыз приблудный, что ли, акцент восточный у него! К чертям гомофобию, заземляемся, пока они не кончили!

Каждый намотал себе шапочку из фольги, а специально оставленный хвостик закусил вместе с проводом, приваренным к торчащей из стены арматурине. На левой стороне специально для этого есть четыре электропроводных зуба. Натянув прямо поверх фольги поношенную гайфоксовку, Крыс скомандовал:

– Все системы стоп! Три! Два! Раз!

За поворотом глухо бумкнуло, до налётчиков долетели крошки цемента. В образовавшееся отверстие Крыс метнул противогазную сумку – джеммер в ней, по ходу, был размером с голову младенца, слонобойный. Тьма.

Филин очнулся мордой в землю с проводом в зубах и пару секунд не мог понять, кто он и что он. Так всегда бывает после электромагнитного удара, хотя сознание уходит лишь на мгновение. На третьей секунде он уже врубал и тестил все свои системы, собирал выносные блоки, и уже полз к пробитой взрывом бреши. Провод на всякий случай не выплёвывал и продолжал прислушиваться.

Джеммер пробил до самого кинозала, через два перекрытия, решительно и люто. Кино наверху остановилось, половина народу вяло ползала по полу, некоторые просто лежали. Остальные быстро, как им казалось, бежали на улицу. Туда же, на улицу, стремительно ползли и влюблённые охранники из подвала. Перед зданием шумно горела машина – та, о которой Крыс говорил? Похоже, в тачке тоже был джеммер, и тоже не из слабеньких.

Филин для чёткой работы прижал эмоции медблоком, и потому с ледяным спокойствием наблюдал, как товарищи в четыре руки вскрывают старомодный дубовый гроб в центре захламлённого отсека.

Гроб был примечательный, боевой и заслуженный. На охватывающих поцарапанное вместилище латунных полосах слесарным штампом были выбиты названия десятков селений, от Великих Лук до Цевла. Замошье встречалось раз семь. Последними значились Калуга, Вороново и собственно Тёплый Стан. Кем бы там ни был этот Дракула-путешественник, но он в своём гробу исколесил полстраны. Заперто было аж на два хитрых висячих замка. Интересно, подумал вдруг Ваня, а изнутри хоть щеколда есть? Для переноски саркофагу привинтили шесть ручек от снарядных ящиков, и вокруг них морёное дерево вытерлось до блеска.

Крыс, не мудрствуя лукаво, пробил в крышке дырку для эндоскопа, глянул внутрь и сказал «ага», после чего в какие-то секунды отхватил болгаркой кусок стенки. Через образовавшееся отверстие, сияя от восторга, он вытянул длинный синий пакет на молнии – явно со скверной внутри. Внутри гроба, кстати сказать, стоял геркон на открывание и корабельная сирена. То ли каждый выход наружу сопровождался военно-морскими церемониями, то ли где-то стояла секретная кнопка. Но не суть важно. Крыс уже упихивал скверну в свой транс.

За похитителями следила целая гроздь безнадёжно палёных камер и датчиков. Жив был только геркон на двери – потому что туп. Через минуту наверху выделилась группа из пяти крепких дядек, и они галопом понеслись в подвал. Похоже, казачьи безопасники наконец-то уловили нерв момента. На двери изнутри очень кстати обнаружился засов, немедля Ваней запертый.

– Я думаю, пора убегать. – Ровно сказал он. – Нас убивать идут.

– Да, да, бежим! – горячо поддержал Рамен, не отрываясь от интеллектуального занятия: малевания «caves.new» светосоставом во всю стену. Из залежей хлама по углам старичина извлёк несколько огнетушителей – они теперь злобно шипели вялыми струями во все стороны.

Окинув картину взглядом, маэстро добавил последний штрих: несколько охапок окурков, мусора и натурального дерьма были раскиданы в стороны из его бесценной «хозяйственной сумки-тележки». Так вот зачем старой её тащил!

– Пусть теперь анализируют, анализаторы анальные. Генетики… Ходу!

Крыс взорвал зарядик перед самым носом преследователей, когда те почти уже вышибли дверь. Через пару минут Филин спросил Рамена, не перестающего щедро сеять дерьмо:

– А почему кавес? Чем кавесы не угодили?

– А потому что спалят всё!!! – загадочно ответил диггер и визгливо заржал.

Крыс оказался ещё и бережлив: остальные заряды не взрывал, а направлял в тележку к Рамену, вместе с датчиками. Под конец старой еле волок ту сумку, а не влезшие устройства вереницей ползли за ним следом, как посуда в поэме «Федорино Горе». Оглянувшись ненароком, диггерище ветвисто выматерился и вывалил всё добро на пол: пусть бегает само, раз такое резвое.

В Троицк Ваня не поехал, хотя и уговаривали. Уже к ночи, отмывшись, пожрав и переодевшись, он выбрался к метро за пивом, баллистолом и трубочным зельем. Климат совсем вразнос пошёл: во тьме, осаживая сугробы, сеялся первый в этом году дождь. Это в феврале-то!

Всё уже успокоилось, на площади прибрали, взорванную машину утащили в металлолом. Лишь два фургона телевизионщиков стояли у перетянутого полосатой лентой розового крыльца «Авроры». Невыпряженная телевизионная лошадь кушала овёс из сумки, подвешенной на шею, топталась под дождём с ноги на ногу. Всхрапнув, зашипела на Филина пневматикой.

Перевёрнутый полковой котёл сиротливо лежал поверх обгорелых дров. Больше всего в сложившейся ситуации Ваня, как любой голодавший, жалел попусту пропавшую еду. Сытно

пахло чем-то с мясом. Ещё поверх дождя воняло мокрыми конями, тротилом и горелой изоляцией.

Почти все сидели где-нибудь под крышей, лишь у подземного перехода, неровно шатаясь, упрямо буцкались двое пьяных. Боевитый казачок, весь в шевронах с медалями, всерьёз теснил большого плюшевого кота с розовым рюкзаком. Городовой, обычно довлеющий поблизости, теперь мастерски отсутствовал. Служивого удалось отвлечь сигареткой, но ничего внятного он не поведал. Последним ярким пятном реальности для урядника стал подрыв его БТРа в Боровском котле.

Уже уходя, Филин мельком глянул на второго алконавта и с ужасом признал в грязном мокром коте давешнего подтянутого профессора-стоматолога. Знакомая борода топорщилась из плюшевой пасти костюма, источая перегар, а вокруг были рассыпаны флаера питомника по борьбе с грызуном, что на Варги. У них ещё на заборе, помнится, по-мордорски написано «Тар. Грыз. Гар.» Боже мой, подумал Ваня. Боже мой, доктор, как низко вы пали! Вы же животное, доктор.

Доктор шмыгал носом и пах котами.

05. Пир духа

Биткойнов на счёт капнуло преизрядно. Филин был доволен, а казаки нет: их надежды на сытные зимние квартиры рухнули. Общество не стало нанимать на службу тех, у кого у самих не знамо кто украл не знамо что, да ещё с таким шумом. Казачество стояло на ушах неделю, а светлейший князь Теплостанский беспомощно разводил руками. Не станет же он с обществом спорить?

Тогда воины посягнули то ли захватить, то ли пикетировать князинькину администрацию, но оба их танка как-то внезапно сломались, совсем сломались, а более внятных доводов казачество представить не смогло. А там и следствие по делу о похищении неизвестно чего успешно зашло в тупик… В конце концов поиздержавшаяся сотня откочевала зимогорить на Волгу. Танки увезли на трейлерах, любезно сданных в лизинг князинькой.

Закончился вечный март – даже не верилось. И однажды в середине апреля, как попёрла зелень, Рамен вызвал Ваню для окончательного завершения дела.

От Филинова дома до церкви посёлка Мосрентген минут двадцать ходу – до перехода через МКАДов вал, по самому посёлку, аллеями Салтычихина имения, и вот она церковь, за прудом. Сотни лет назад всем тут владела жуткая маньячка Дарья Салтыкова, вдова ротмистра, изведшая лютой смертью сотни своих крепостных. Где-то вокруг церкви они все и похоронены.

Дошло до того, что злая помещица чуть не сгубила землемера Тютчева, по которому сохла, и дед великого русского поэта еле спасся с семьёй. Ещё Ваня любил втирать редким туристам, что именно вот в этом пруду Герасим утопил своё Му-Му. А потом его самого Салтычиха утопила там же.

И по пути Ваня праздно и спокойно размышлял о многом. Почему всё в этом деле вертится вокруг каких-то трупов? Как можно ещё более окончательно всё завершить? И, кстати, сколько денег капнет на счёт? Или же его закопают, ведь исполнителей положено убирать? Ну, в таком случае они от бабушки неслабо огребут…

А то вот ещё есть теория обращения темпераментов, мол, в критической ситуации характер человека меняется на противоположный. Флегматик в беде вдруг являет фонтан холерической активности, а заядлый холерик вдруг действует холодно, точно и флегматично. Стоило надеяться, что второй пример – как раз про него, про Филина.

Под праздные мысли Ваня проследовал мимо избушек, детей, бабок, рынка, гопников, цыган, медведя, гопников, развалин – кто бы мог подумать, что в восемь утра в Мосрентгене столь оживлённо! – и по плотине между усадебных прудов вышёл к церкви.

Храм Святого Василиска в Мосрентгене был объектом стратегическим. Дело в том, что населённый пункт без храма – это деревня. Да что там, бывают деревни даже и с церковью. А вот если церковь есть – то это уже, может быть, село. Там же сразу и школа, и богадельня. Изначально в Теплаке была Анастасия-Узорешительница на краю Тропарёвской пущи – и всё.

Ну а если церквей две, то по Понятиям можно дерзнуть и объявить себя городом о двух концах, и тогда всё завертится, и начнётся городская жизнь со всеми её мещанскими радостями, рынком, киношкой и котельной. Ну и с электричеством, да. Трамвай можно будет завести.

Так что однажды прозябающие при лучине мосрентгеновцы получили от князиньки щедрое предложение, от которого не смогли отказаться. Очень уж смутил их знаменитый княжеский бронебульдозер «Химейер» посреди центральной площади – именно там он остановился, проехав через здания поселковой администрации и «Райзембанка». Поводом к визиту послужили какие-то дешёвые политические предъявы сельского головы, не подкреплённые здравым смыслом. Никто уже не припомнит, что там было.

Некоторое время после референдума его высочество термоядерно именовалось «Князь Теплостано-Мосрентгенский и Мамырей». Как только ни коверкали этот титул несчастные иностранные послы – любо-дорого было послушать! Однако вскоре владетель задёшево прибрал выморочную усадьбу Узкое с руинами ещё одной церкви, и узостей в фамилию добавлять уже не стал, да и от радиоактивных титулований избавился, став обычным Князем Тёплого Стана, таким простым и близким. Тёплый Стан теперь считался городом о трёх церквах, и это было только начало.

Вместе с Мосрентгенским храмом князиньке достался его настоятель, отец Глеб. Давным-давно батюшка натурально упал с неба вместе с грузовым дирижаблем «Монро», набитым полумёртвыми русско-украинскими беженцами из Торонто. Переосвятив осквернённые руины ближайшего храма, Святой Троицы, в честь великомученика Василиска, священник тотчас принялся там служить. А при первых же княжих выборах в совет громады случился скандал до небес: по документам батюшка оказался мало что канадец, но ещё из Болгарской Православной Церкви…

Над священником сгустились канонические тучи, но упрямец продолжал служить, раз уж начал. По субординации с самого начала следовало испросить благословения у самого Патриарха, но падение воздушного корабля совпало с Сергиевопосадским инцидентом. Тогда у Московского Патриархата возникли проблемы не то что с патриархом, но и с самым апостольским преемством, а тут ещё и карантин… Именно потому отец Глеб соборовал-отпевал несчастных канадцев совершенно самочинно.

А по окончании карантина оказалось, что батюшка уже покрасил храм, устроил школу, типографию, починил тёткам из «Лизы-алерта» фармгенератор и в целом мощно укоренился. Так и не собрался на поклон, в общем. И теперь Отец Глеб, сам родом с Урала, заявлял, что в Израиле уже был, в Канаде – был, а теперь завершил кругосветное путешествие и никуда от родных берёзок более не двинется.

Духовный мир наступил внезапно, с прибытием тяжёлой артиллерии. В Данилов монастырь к последнему незапрещённому в служении архиерею, митрополиту японскому Ионе пришёл с попутным конвоем запылённый Нафанаил, митрополит Врачанский. Злые языки говорят, что в караван священника пристроил прямо вот лично князь. Врут, конечно. Нафанаил был натуральный болгарин, похожий на изможднного Филиппа Киркорова. Предъявив документы, он напомнил, что русские и болгары – братушки, а их церкви – сёстры, и находятся в каноническом общении. И, кстати, Болгарская сестра сильно постарше будет.

Маленький японец Иона прекрасно помнил Филиппа Киркорова, и ни о чём не стал спорить, себе дороже. Попы облобызались и рукоположили взвод свежих архиереев. Нафанаил занял домик через площадь от монастыря, для напоминания, и назад в Болгарию уже не пошёл – по всей его Врачанской епархии фантогеновый фон зашкаливал за смертельные девять единиц.

Самые разные духовные люди, с замиранием сердца следившие за интригой, с облегчением выдохнули. И немедля потянулись в богоугодный город Тёплый Стан. Как-то все забыли, а тут вдруг вспомнили, что там же, на автобазе у Голубинского леса, испокон веков стоит армянская часовня. И вообще, уже не часовня, а церковь, наверное. Потому что армянских батюшек на районе аж трое, и все без места, и служат там по очереди.

Далее выяснилось очевидное: что на квартире у самого МКАДа как пели, так и поют свои псалмы неистребимые пятидесятники. Все эти пятьдесят лет.

Потом ещё Древнеизначальная Первоправославная Катакомбная Церковь арендовала у города разбитую бомбяру на Варги и построила там свои древние катакомбы.

Суфии не строили ничего. Просто оказалось, что хозяин гостиницы в недостроенном бункере связи у Голубинского лесопарка – шейх, и всегда был шейхом. Однажды он экономно поменял две буквы в вывеске, и заведение «Токио» превратилось в «Текие», а с вершины

бетонной антенной башни печально закричал муэдзин – в самое князинькино окно. Мегафон у сладкопевца княжий воевода отобрал лично.

Разноверские волхвы с Тропарёвского капища довершили картину духовного процветания ежедневными прогнозами погоды на форуме Теплака. С гороскопчиками.

В атмосфере небывалого духовного подъёма князинька охотно обременил святых людей налогами, социалкой и благоустройством территории.

И вот теперь у самых ворот Святого Василиска в Мосрентгене обретался сам отец Глеб в сильных электроочках. Полноватый священник сосредоточенно красил ограду, провожая прохожих суровым взглядом. Духовный человек, опасный. А ну как сожжёт за несовершенство? Вот так вот р-раз – и сожжёт!

Нет уж, Филину не к Святому Василиску, Филину дальше идти, в проулок между храмом и развалинами военной базы, сообразно полученным ганеша-координатам.

Там, метрах в двухстах от церковного забора, за плешиво зеленеющим полем косо торчал на опушке здоровый шатёр-типи, крытый оранжевыми парашютами. У вигвама невзначай ошивался Рамен. Ваня прикинул, что эксцентричное становище видно только с воздуха или же с церковной территории, но не от жилья. И при чём же здесь церковники?

Пока Филин подходил, один из семи слышимых ему коптеров подлетел по своим делам слишком близко, и из чащи Троицкого леса криво стрельнула ракетница. Ракетка, погонявшись для порядку за перепуганным летуном, принялась радостно нарезать круги в весенней лазури. Весьма серьёзно дело, если их уединение так берегут.

Пожав сухонькую клешню Рамена, Филин вошёл в типи и окончательно удивился. В центре шатра работал Его Светлость Князь Теплого Стана Игорь Второй Сергеевич, собственной персоной. Как на портрете у метро, но с голым бледным торсом и с лопатой в руках, весь встрёпанный, взмокший и в глине. Хорошо хоть Шапку Мономаха дома оставил. Князь копал могилу. Вблизи и без шапки Князь подозрительно напоминал диггера Крыса, вдруг обросшего окладистой бородой.

Посреди шатра у почти готовой могилы стоял на репшнурах красный гроб. В нём лежал маленький Александр Сергеевич Пушкин, великий русский поэт. В тонких чертах восточного лица пряталась улыбка, роскошные чорные кудри спадали на плечи сюртука. А сюртук-то знаком. И штаны. Всё это бабушка шила на той неделе. Филин ещё гадал, кто же это будет ходить в костюме капитана «Титаника». И вот.

– Привет, Филин. Собственно, сам всё видишь. Завершаем начатое, а потом нас ждёт ещё много великих дел… – солидно изрёк князь, втыкая лопату в кучу земли, и добавил очевидное:

– Я князь. И, кстати, я уже наработался, теперь твоя очередь. У Николай Семёныча, видите ли, поясница колосится. И от батюшки помощи не дождёшься.

Ну это ясно. Лишь через пару колов времени Ваня понял, что Николай Семёнович – это, очевидно, старичина Рамен. Тот уже деловито глазел к Филину в яму, опершись на притащенную крышку гроба. Ровно в ту секунду, когда Ваня выкинул наверх последнюю лопату земли, из ниоткуда сгустился давешний мрачный отец Глеб, ведомый мистическим чутьём. Он сноровисто совершил последние обряды.

06. Слово Князя Игоря на погребение Пушкина

Начиналось всё весьма логично, что редкость в наши психоактивные времена. За пару месяцев до Мытищинского согласия в центре Москвы гремели тяжёлые бои. Третьего февраля Отдельная Краснознамённая БТГ имени Ленина прорвалась к Кремлю. В Кремле по обыкновению сидели очередные сатанисты-агностики, но суть в другом.

До Красной площади докатились два танка из пяти, с десяток разнообразных джихад-мобилей и бронеикарус. Примерно половина того, что было вечером второго числа: остальных нечувствительно переварило голодное чрево Китай-Города.

С наскоку овладев Спасской башней, коммунисты немедля получили обратку с башни Никольской – один из танков сгорел. Тут комбат Синицын понял, что дальше дороги нет. И пока выжившие воины палили с крыши ГУМа из всего, что у них было, Синицын выполнил Долг Коммуниста. Лично взломав Мавзолей, он расстрелял из «Стечкина» бронестекло саркофага. Затем с маленьким вялым Лениным на руках комбат впрыгнул в бронеикарус – и коммунисты были таковы.

Основная группа вышла к Раменкам, прикрытие отступило к диггерам в Солянские подвалы, но и не в этом суть. Важно то, что с тех пор Синицын и Ленин передвигались парой, как «мы с Тамарой – санитары». Где бы ни шёл комбат, всюду за ним катился красный гроб на колёсиках. Батальонная тактическая группа разрослась в Калуге до бригады, комбат, соответственно, стал комбригом, и молва о Ленине пошла.

Тут проснулись одесситы. Одесса поспешила дать ответ, чтобы не дай бог Донецк, Сумы или Гуляй-Поле… В общем, ответ был дан.

Уже сотню лет в первопрестольной шептались о Гоголе. Мол, в 1930-х годах при перенесении праха мистика из Данилова монастыря куда-то ещё недосчитались головы Главного Новоросса. То ли в тот самый момент её спёрли, то ли некто эксгуматоров опередил. Конечно, всё сразу засекретили, однако же природа не терпит пустоты. В народе стало известно, что голова Гоголя играет бедного Йорика в одном из московских театров.

На подозрении были два черепа. Было доподлинно известно, что один из них – Гоголь, а другой – великий актёр Щепкин, но который из них кто – не вполне ясно. На том всё ненадолго затихло. Лет на сто.

И вот в раздолбанную Москву прорывается паровоз с развесёлыми одесситами и составом донецкого угля. Одесситы гуляют по стылым театрам, непрерывно строча в блокнотиках, делают селфи у рухнувших колонн Большого. Вскоре уголь уже распродан, припасы подъедены, и экспедиция едет домой.

Так в Одессе появился череп Гоголя. Надо сказать, одесситы пошли значительно дальше коммунистов: поместив главу поэта в фойе драмтеатра, немедля Гоголя канонизировали. А чтобы разные Святые Николаи не смущали народ конкуренцией, горсовет внёс предложение записать новобранца именно «Святым Гоголем». На том и порешили.

Думается, всё это из-за Румынского Смеха. Переболели все, а Смех не щадит ни ума, ни нервов. Но это касательно имени. Сама же канонизация была крайне необходима и логична. Для легитимности. Черепов-то в Москве как собак нерезаных, и со временем только больше становится: чем докажешь, что это именно Гоголь? Да с таким же успехом я сам мог им свой собственный череп продать! Но раз Церковь согласна, тогда – конечно.

И вот подходим к Пушкину. Глава Святого Гоголя опочила в Одессе, а в Великих Луках уже волновались казаки, а именно Отдельная имени полковника Дрёмова механизированная сотня Всевеликого войска Полистского. С танками и барахлом – до трёхсот человек. Три дня митинговали перед двуединым вокзалом, кричали: «Мо-щи, мо-щи! Лю-бо, лю-бо!»

Дав народу пророраться, атаман всех построил и маршем довёл до Пушкиногорья, где благополучно извлёк из склепа Александра Сергеевича Пушкина. Поэт, правда, оказался без черепа и изрядно пограблен, причём о-очень давно. Нимало не смутясь, казаки заказали у цирюльника голову мощеобразного вида и отправились гастролировать.

Александр Сергеевич в собственном гробу ездил на ископаемой БРДМ чорного окраса – по летнему времени мехводы менялись в ней каждые полчаса. На борту машины двусмысленно значилось: «Нам не дано предугадать, чем слово наше отзовётся». В бою поэта не раз посылали в атаку впереди всех, с привинченной к антенне хоругвью.

Ну и никто уже не удивился, когда Пушкин незаметно стал Святым Пушкиным. А я хоть и князь, но Пушкина люблю (тут Рамен ехидно проскрипел: «Да-а, мы все очень-очень любим Пушкина!»). Так что когда Сотня пришла на недельку в Теплак и осталась на месяц с прицелом зимовать, было уже примерно понятно, что делать.

Но разве ж это всё? Вон, в Виннице уже молятся на суржике Святому Пирогову, доброму доктору. Хорошо высушенный доктор без малого двести лет лежит в подвале, а при Советах его ещё и отреставрировали. Так что в гонке умертвий на Пирогова сейчас основные ставки.

07. Думку думати

Уложив на место пласты дёрна, заговорщики стянули с шатра парашют и растащили шесты. Князь воткнул в землю табличку «Осторожно, мины».

– К вечеру пригоним мины, – ответил его сиятельство на незаданный вопрос, – а через пару лет снимем, как всё зарастёт. Хватит наших поэтов таскать. Потом тут скверик сделаем имени Пушкина, а вон там по просеке улица пойдёт к Мамырям. Пушкинская. Но это потом.

– Подходите все в трапезную, помянем. – Прогудел батюшка Глеб, – Только по одному, и с разных сторон, чтобы внимания не привлекать. И свечку Святому Пушкину поставьте, я у казаков складень… Э-э-э… Купил… Как в церковь войдёте – слева стоит.

– С ума все посходили. – Высказал очевидное Рамен, хоть и не очень понятно было, кого именно сейчас он имеет в виду.

«Была – не была.» – Подумал Филин и запустил думку. Бабушка говорила, что система барахлит и однажды просто укокошит её Ванечку. В чём-то она была права: то и дело думкины смеси просто с копыт валили зубной болью, а однажды вместо принятия важного решения он сутки просидел в сортире, летя на Марс.

Но на этот раз повезло. Мысли распушили беличьи хвосты, собирая на статику ниточки слов, снов, намёков и улик. Смыслы открывали второе и третье дно, поворачиваясь невидными ранее боками.

Стало кристально ясно, что на суете вокруг поэта наварились все, причём он, Ваня Филин, меньше всех. Он просто получил много денег.

Рамен получил те же деньги плюс своё диггерское эльдорадо – геоподоснову значительной части города до запредельных глубин. И те мёртвые сухие бункеры, что они облазали за месяц, Рамен непременно обнесёт, все пять. Надо будет ему помочь, хочет того старичина или нет.

Князь же, потратив чутка казённых денег и поделившись мутными слухами, вскоре получил и геоподоснову, и благодарность диггеров (первым из московских правителей!), и старину тряхнул. Да ещё и казаков обломал и спровадил с района, толком не поссорившись, что в принципе невыполнимо.

А канадо-болгарский батюшка Глеб выиграл вообще с разгромным счётом. Под то, чтобы похоронить поэта на святой земле, князинька без особого шума отдал Болгарской церкви весь пустырь до самого леса. И если раньше словосочетание «Святой Пушкин» наводило на священника корчи, то теперь вон уже и складень у казаков подрезал, глядишь, и икону ростовую закажет. Как бы лет через пять мощи не обрёл.

Даже казаки остались в выигрыше, потому что прекратили, наконец, своё позорище с гениальным трупом, и на кругу в Жигулях, турнув старого атамана, выкрикнули вменяемого, своего начальника контрразведки – в «Русской Правде» о том писали.

Ну а что же Пушкин? Бог его знает, как ему, мёртвому, но на третьей сотне лет всяко лучше в поле у лесочка лежать, чем на чорном броневике с хоругвью по стране шастать.

Иван Филин сидел на мокром брёвнышке, вдыхая запах талого снега и первых трав. Как бывает на выходе из удачной думкиной сессии, мысли в его голове роились неопределённые, но светлые, и хотелось сказать: «Эх, брат Пушкин…» И что-нибудь ещё эдакое добавить… Но, конечно, ничего он не говорил. Светило Солнце. Без куртки было совсем не холодно.

Жизнь настоящего финика

С раннего утра, тяжко вздыхая, бабушка шумно шаркала туда-сюда под дверью комнаты и как бы в никуда жаловалась на жизнь. Ваня хорошо знал эту поступь судьбы. На часах натикало всего девять, но надежды поспать не было никакой. Несколько колов времени Филин, не отвечая на системные запросы, вспоминал себя, постепенно всплывая в мир живых. Уже в ванной, с трудом открыв левый глаз, увидел в зеркале неподобное и ухмыльнулся: «Выходной, говоришь? Х-хех…»

Оказывается, давно подошёл срок по квитанции зоомагазина за сданную туда пальму. Нужно вот только пойти и обогатиться, прямо сейчас. Нет, один он ничего там не сможет, потому что надо несколько вопросов уточнить. А она одна не дойдёт, и назад с рынка продукты не дотащит. Будущее Вани рисовалось лютым и неминучим, как в приговоре Особого Совещания, но по мере наступления оказалось не таким уж и страшным.

Зоомагазин занимал часть подвала в кинотеатре «Аврора», за метро, в гостевых кварталах. Трамвай подошёл почти сразу, и через пятнадцать минут были на месте. Солнце светит, а сейчас ещё и бабло будет. И даже не в деньгах дело. Главное – закончится этот бесконечный роман с пальмой…

В позапрошлом октябре на Профсоюзную улицу прямо перед Палеонтологическим музеем плюхнулся индийский дирижабль. Над Тарусой летучую машину атаковали пираты залётные, но храбрые индусы кое-как отбились. Тут же воздухоплаватели обнаружили, что медленно и величественно падают в унылые лесные неудобья, в самое сердце среднерусской возвышенности. И не поймёшь, кто там в этих подозрительных буреломах набольший, и как там чиниться. Надрывая моторы, сыны Ганди рванулись к гостеприимному Тёплому Стану – ближайшему приличному месту на двести вёрст вокруг. Тем более что тамошний Князь уже горло по рации надорвал, предлагая помощь.

Всю дорогу «Чакраборти» терял газ через решето пробоин. Гелий в баллонетах кончался. И в баллонах тоже. Тогда третий помощник снял фуражку, перекрестился и зарезал чёрную курицу на прозрачную пластину с замысловатым рисунком, со сковородку размером. Эту пластину, мутнеющую вокруг капель крови, дед ловко воткнул в картридж воздушного фильтра. Через минуту разбуженный демон Максвелла взревел и, пожирая сотни киловатт, выплюнул в баллонеты жаркую струю гелия, водорода и прочих лёгких газов, отфильтрованных из окружающего воздуха.

Но груз всё равно пришлось сбрасывать. На Троицк на парашютах спустились двадцать тонн картошки и три вооружённых сикха для продажи корнеплода.

Прямо над МКАДом заклятый кривым индийским кодом демон с жутким хохотом развоплотился, утащив к себе в ад курицу, фуражку стармеха и саму мембрану с заклятием, весьма недешёвую, кстати. Пилоты забегали, крича «Кали Ма!» и «Ай Вэй!». В панике летуны сбросили ещё немного груза, хотя спокойно могли сесть на остававшемся газе. В основном добро успешно спарашютировало на Профсоюзную и Тюленева, но несколько контейнеров столкнулись в воздухе, и на район обильно выпали кеды, индийские шмотки, пряности и много сухофруктов, в том числе и финики. Говорили, что выпало некоторое количество гашиша, но это вряд ли – в описи груза ничего такого эдакого не значилось.

После этого дирижабль птицей взвился ввысь и пропал в небесной синеве. Лишь через час даровитые пилоты усадили-таки свою машину. Жёстко.

Целую неделю вокруг пострадавшего дирижабля шумела ярмарка. На районе висел крепкий дух корицы и карри, палок-вонялок и всё-таки слегка припахивало гашишом. Теплостанские бабки массово повязали цветастые индийские платки, а юноши вместо семок вкушали финики, миндаль и сушёное манго. Но вскоре праздник теплостано-амритсаарской дружбы

подошёл к концу: долгопрудненские аварийщики залатали белую тушу «Чакраборти» чорными заплатами, так что дирижабль стал напоминать далматина. Купцы собрали раскиданные по городу ящики с товаром, списав невеликие потери, а из Троицка на автобусе прикатили три весёлых сикха в новеньких ватниках и свитерах с оленями: малорадиоактивная незаражённая картошка разошлась влёт. На посев.

Под гипнотические звуки «Арии индийского гостя» воздушный корабль ушёл на Запад, растаяв в небесной вышине. Тёплая публика ещё полдня покрикивала «хинди-руси пхай-пхай» и толклась у метро. Филин ел финики из газетного кулька с индийской рекламой бханга, а косточки, как воспитанный человек, прятал в карман. Вечером Ваня поставил одну прорашиваться.

Знай он, на что подписывается, он бы тот милый росточек соседке-татарке подкинул, чтоб страдала.

Закалённое радиоактивными ветрами Аравии, в теплостанской кухне растение быстро освоилось, упёршись в потолок, и растопырило на полкухни грабки колючих листьев с острыми шипами. При попытке нарушить личное пространство древо немедля теряло душевное равновесие: вместе с ведром оно размашисто падало на нарушителя, норовя что-нибудь тому выколоть и отдавить.

В бабушкиной кулинарии на почётном месте всегда было масло, так что пальма быстро стала жирной, а поверх жира заросла пылью. И было совсем непонятно, когда эта дура собирается давать желанные вкусные финики.

Для консультации бабушка под предлогом ремонта розетки вызвала электрика Бахтияра из бункера за Ашаном, как человека наиболее близкого к финикам. Помимо основной работы тот ещё приторговывал на Теплостанском Рынке лимонами, куревом и самыми разнообразными саженцами. Походив вокруг, понюхав и позыркав из глубин бороды и дредов, электроботаник сделал вполне очевидное заключение:

– Хороший финик. Настоящий финик.

– А поконкретнее? – поинтересовался Ваня – Что он настоящий, я и сам знаю. Я его ел.

– А я под ним жил. У деда в имении за хоздвором целая роща таких была. Феникс дактилифера, то есть финик пальцатый. Он же – настоящая финиковая пальма. Лет через пятнадцать станет десятиметровый и будет давать финики. Двести лет будет давать финики, а вырастет до тридцати метров. Только надо ещё одну пальму рядом посадить, мужика, а то у них опыление перекрёстное. Слушай, Ваня, а когда с пальцами – это пальцатый, да?

– Пальчатый. Но пальцатый финик, пожалуй, даже круче. Слушай, Бахтияр-эфенди, если этот финик такой пальцатый, забери его к себе. Сегодня у нас акция – доставка бесплатно.

– Нельзя мне финики, Ваня. У меня потолок в бункере – всего семь метров. Это тебе здесь хорошо: пробил перекрытие к соседям вверх или вниз – и пальма дальше растёт. Лет через пятьдесят будет у всего дома в кухне своя пальма. Финики свои, опять же…

Немудрено, что уже вечером того же дня, а было это в конце декабря, пальма была решительно водворена на заднюю площадку трамвая, невзирая на визг вагоновожатой. Так и ехали: все с ёлками, а Филин и бабушка – с пальмой. В зоомагазине финик равнодушно задвинули на реализацию в тропический лес, занимавший западную часть подвала. Много не обещали.

И вот прошло три месяца с гаком, и на дворе апрель-месяц, и повсюду пахнет матушкой сырой землицей. А Филин и бабушка стоят посреди зоомагазина, а перед ними стоит их любимая пальма. Финик исхудал, дополнительно запылился побелкой с потолка, но вытянулся преизрядно. Ваня прикинул, что пальму придётся класть по диагонали кухни, иначе никак.

В целом по весне джунгли в магазине погустели, раскрыв свои объятия навстречу человеку. Из-за кадки с алоэ в самой чаще на этого человека с аппетитом пялился всё тот же неопрятный варан, изрядно разжиревший с декабря.

Над знойным пейзажем мушкой вилась маленькая приветливая продавщица. Она была так рада, так счастлива лично встретиться с хозяевами этого… удивительного растения! К сожалению, пальмочка не продалась. Так что забирайте, всё с ней хорошо, вон, подросла-то как, милая. Даже бабушкины мольбы, посулы и угрозы не подействовали. Забирайте и всё, доброго вам дня.

Без денег, но под пальмой, злые и озадаченные, бабушка с Филином встали с краю небольшой площади перед киношкой, с того угла, где камер поменьше.

Филин курил самокрутку и с тоской думал о пиве, потому что от мыслей о финике воротило с души.

Бабушка же глядела по сторонам хмуро и оценивающе, что-то прикидывала. Похоже, её внутренний полководец, проиграв битву, собирался всё же выиграть войну. Оставив внука тосковать под сенью пальмы, старица величественно удалилась в ближний перелесок, к истоку Очаковки. Из насаждений она явилась через пять минут волшебно преображённой. Свою куртку бабушка вывернула на оранжевую сторону, цветастую нижнюю юбку переодела наверх, а голову лихо повязала цветным платком. Завершающим штрихом стали тёмные очки на пол-лица, с трещиной – из лесу, вестимо.

– Иди-ка ты, внучек, пива своего дурацкого попей, а я тут пока… – Бабушкин голос наполнился нотками, вызывающими доверие и желание отдать деньги. Ваня ещё только шёл к автопоилке в павильоне метрошного входа, а старица уже загарпунила некоего беспечного подростка. Пошатываясь с опорой на две трости, она нависала над несчастным, угрожая рухнуть вот прямо тут.

– Мальчик, ты пионер? – вопрошала она проникновенно. Что бы там ни отвечал мальчик, это ничего не меняло.

Через пять минут, когда Филин вернулся с кружкой газировки с сиропом, красный от натуги пацан уже затаскивал ведро с пальмой на крыльцо аптеки «Русский Фармовар» Бабушка, тяжело опираясь на палку, придерживала дверь, а потом вдруг спохватилась:

– Ох, а палочка-то моя где? – Одна бабушкина трость так и осталась прислонённой на лестнице кинотеатра. – Давай, пионер, заноси пока, а я сейчас!

Бабушка аккуратно прикрыла дверь за тимуровцем с пальмой и тихонько, а потом всё быстрее и быстрей двинулась за палочкой. Цапнув трость, она пулей пронеслась мимо внука к лесу, подняв своими одеяниями ветер. Рыча «Ходу, ходу!» пожилая дама с хрустом вломилась в густой подлесок.

Через минуту с другой стороны посадок на улицу Тёплый Стан вышла уже привычная Филинова бабушка. Не мешкая, она остановила трамвай, вскочила на заднюю площадку и скрылась прочь, со звонками и электрическими искрами. Шпионка – это на всю жизнь.

И лишь тогда с лязгом распахнулись двери аптеки, и на улицу запоздалой пулей вылетел яростный провизор, длинный и нескладный. Пока он вглядывался в городские дали в поисках коварной старицы, за его спиной крался прочь давешний пионер, бочком-бочком, да и припустил к метро. На бегу отрок снимал с себя значок и галстук: хватит на сегодня тимуровских подвигов.

Обнаружив бегство свидетеля, нерасторопный фармацевт в бессильной злобе врезал по двери, рассадив тонкую медицинскую длань. Тоскливый вой распугал воробьёв у крыльца столовой:

– Твари! Я вас найду! Всех найду!

За спиной провизора в стеклянной витрине аптеки слитной стеной зеленели фикусы, алоэ, каланхоэ и пальмы. В основном, конечно, настоящие финиковые пальмы.

«Эх, финик, – подумал Ваня. – Вот ты и выпорхнул из родимого гнезда. Ну, среди своих тебе всяко веселее будет. А ты, фармацевт, держись!» С тем Филин отпил газировки.

Но роман с фиником вовсе не был окончен. Через месяц поутру в Ванины двери стучали. Два взопревших городовых стояли по сторонам могучего древа, лежащего подобно мачте погибшего корабля.

– Квартальный Силантьев! – Представились городовые. – Гражданин Филин, вы узнаёте свою пальму?

– Это он! – Поражённо воскликнул из-за угла побледневший провизор, прятавшийся до того в лифтовом холле. Мент, который побольше, неторопливо вынул из планшета целую кипу квитанций, распечаток и фоток, завёрнутую в газету «ЗОЖ». Со всем этим в охапке правоохранитель угрожающе-весело забубнил:

– Тэ-э-экс… Значит, гражданин хороший, вот это счёт за эвакуацию, вот – за складские услуги. Эта бумажка не нужна, за доставку можно заплатить лично мне, с весенней скидкой. Ах, да! – Городовой вынул ещё одну пачку листов. – Вот ещё протокол происшествия, подписать здесь, здесь, и вот тут…

Ментовские заходы бывают разные, некоторые просто-таки поражают своей изощрённостью и коварством, однако самые тупые, корневые предъявы были сформулированы ещё стражниками Северных врат Вавилона, и за много тысяч лет не поменялись ничуть. Кого-то здесь, похоже, держали за лоха ушастого. Ну-ну.

Внимательно слушая, Ваня быстро допил кофе и с аппетитом сжевал вынутый из стакана лимончик. Старая арестантская чуйка подсказывала, что в ближайшее время никто ему кофию ему не предложит, и лимона не подаст.

За Ваниной спиной пошатывалась в ходунках бабушка, и по ней было видно, что старица глуха, слепа, и вообще, вот только дверь сейчас за гостями притворит – и умрёт.

Звякнув ложечкой, Филин поставил подстаканник на стул.

– Да что вы в самом деле, граждане начальники! – Ваня приветно раскинул руки, в который раз уже, словно хотел всех обнять. – Да, было дело. Вот то, что вы показываете – это я на видео, так точно, а вот мой любимый финик. А вот и цыганка подходит, злыдня! Нагадаю, говорит, тебе удачи, а пальме – дорогу дальнюю. Ты пока за пивом сходи, а я пальму-то постерегу. Потом бах – и ни старухи, ни фикуса, а в руках газировка, вон на записи видно. Мистика. НЛП.

А насчёт этого бревна – так оно не моё. Цыганка подменила, у них такое запросто. Вот, у меня в квитанции магазинной русским языком по белому написаны особые приметы: пальма настоящая, 225 см. А у вас тут метра четыре, не меньше! Знакомых отметин на стволе не наблюдаю, а ведро у нас было красное и с необколотой эмалью. На видюшке оно какое? Ах, камера чёрно-белая? Какая досада…

Да вы, господа начальники, не убивайтесь так! Лично я давно смирился. Финик мой наверняка уже подрихтовали, перекрасили, да и продали в Ботанический сад, толпе на потеху…

Именно на этих словах Филин серой тенью вылетел в вечерний полумрак переулка, распахнув собой заднюю дверь полицейского околотка.

На пятом кругу сказки про белого бычка всем стало очевидно, что Ване ничего впарить не удастся: ни единой пальмы, ни даже фикуса, ни кактуса поганого. И взять с него тоже нечего, кроме головной боли и беспорядка в помещении.

Городовые, смертельно утомлённые тасканием дерев, просто выкинули Филина прочь, словно жертву полицейского произвола, хорошо хоть наручники сняли. Не любят сложных клиентов – вот раскрываемость и хромает. При таком подходе вообще не понятно, зачем полицаи вписались за эти мутные фикусы.

Поднявшись, Ваня с достоинством отряхнулся и пошёл в булочную. На этом финик окончательно попустил Филина. Но самому растению ещё предстояли разнообразные приключения.

В конце апреля слухи о ботаническом казусе достигли ушей самого Князя. Его высочество, давясь весельем, выкупил у провизора аптеку вкупе со всем буреломом, да и в зоомагазине дебри проредил. Счастливый фармацевт тотчас улетел на лечение в Вену.

Новообретённые джунгли князинька живописно разместил по всем шести этажам «Принц-Плазы», своей резиденции, а опустевшее помещение аптеки с выгодой перепродал – без леса внутри оно мгновенно подорожало.

Настоящие финиковые пальмы встали вместо пластмассовых на минус первом этаже, под световым колодцем во все шесть этажей вавилон-центра. На диво иностранцам. Вот только именно Ванина пальма в эту рощу уже не влезла – банально не хватило места. Её пересадили в кадку и приткнули к посту охраны на Западных воротах.

Несколько месяцев начальник княжей СБ товарищ Соколов сверлил стройное растение взглядом, что-то внутри себя прикидывая.

Финик меж тем страдал от недостатка света и ещё от того, что охранники втихаря мочились ему в кадку, дабы не покидать пост. Затем однажды во тьме ночи, когда вдруг заглючило видеонаблюдение, Начальник подогнал к чорному ходу «Принц-Плазы» ракетный лафет. Через четыре минуты укутанный в брезент настоящий финик уже скакал за «Уралом» по мглистым буеракам Калужского шоссе.

Растению предстояла светлая жизнь в Зимнем Саду Начальника, в имении «Элизиум». Если по карте, то это с восточного края самостроя на плацдарме «Коммунарка». Коллеги же попросту называли имение «Садом Нерадивого Управляющего».

Однако, как и положено в драме, этот последний переезд окончательно подорвал здоровье настоящего финика. На новом месте тот за считанные дни иссох и помертвел.

Товарищ Соколов потом жаловался другим товарищам на подлое дерево. Мол, кадка оказалась вообще неподъёмная, все руки оттянул, как обезьяна, да ещё поясницу сорвал. А этот гад возьми и сдохни, и вонять стал люто на всю оранжерею. Как вытрясли из кадки – таким аммиаком шибануло, словно этот суккулент год под себя ходил. «Короче, подсунули мне растение-зомби» – внезапно заключал свою речь далай-безопасник. А про себя добавлял, что вовек больше не станет воровать у князя. По ходу, этот кибернетик стал вживлять такие модули в своё добро, чтобы ты его украл – а оно тут же в руках в дерьмо превратилось.

Так финик погиб. Но дело его жило и живёт. Фармацевт, – не станем называть его по имени, – после своего бегства в Вену прошёл курс интенсивного психоанализа, принял обильные ванны в Баден-Бадене и почувствовал себя просто-таки новым человеком.

Посвежев, провизор выкупил у еврея-старовера долю в «Ангельской аптеке» на Богнергассе и зажил в тихом блаженстве. Осенняя Вена, усыпанная золотой листвой, ласкала взор и слух: машин в малолюдном городе было немного. Лишь иногда по соседней улице звенел трамвай, столично и благородно. Не то что в Тёплом Стане, где фармацевт обречённо просыпался в пять утра от сытного угара дизелей: окна съёмной бытовки выходили прямо на автовокзальную площадь.

Посреди аптечной залы под сенью мраморных и мозаичных святых крыл тускло сиял нержавейкой настоящий бауэровский фармгенератор, самой последней серии. Машинка была крохотная, едва ли больше концертного рояльчика. Машинка могла всё.

Пока аппарат загружался, сопел и причмокивал, фармацевт как раз успевал выпить утреннюю чашечку кофе. Затем за каких-то полчаса он обслуживал всю утреннюю очередь, одаряя каждого – своим. Сегодня, например, фрау Тильда получила пакет молочной смеси, престарелая фройляйн Марта – свои десять разных пакетиков, всё согласно рекламе, а измождённые фанаты оперетты в тёмных очках – по грамму своих препаратов.

Тайминг испортили, как всегда, два поганца в дредах, которых, понимаете ли, не устраивает курительная смесь из генератора, и которым подавай натурального курева, чтобы как

с белых яблонь дым, да чтоб не кашлялось, а лучше вон той ещё давай попробуем, кхе, махра, ну ладно, вот пожалуйста вот этого мне четыре грамма, битте.

На том утренние клиенты закончились. На Тёплом Стане провизор так ловко не управился бы. Ни за что. Русский фармовар ещё часа полтора бы хлюпал и вонял, от каждого заказа по своему. Армейский жестяной гробище в зелёной краске, да ещё управлять им через консоль. Через консоль! Графический интерфейс? Самоочистка автоклава? Нет, не знаем, что вы. Россия теперь казалась далёким страшным сном: грязь, вороны и собаки, коммунисты и попы, потом полгода всё под снегом, ночь и пальмы, пальмы, эти бесконечные долбаные пальмы…

После любителей белых яблонь надо было проветрить, и провизор пошёл к окну, и взвизгнул, и подпрыгнул: на подоконнике стояла она. Крошечная пальмочка. До крови закусив побелевшие пальцы, фармацевт с ужасом смотрел на крохотные вострые листочки, тянущиеся к нему из картонного пепсикольного стаканчика. Хотелось закричать, но горло перехватило спазмом.

Наконец, взяв себя в руки, провизор тигриным прыжком выскочил в двери магазина и заозирался вокруг. Все уже разошлись, над безлюдной брусчаткой стелился угольный дым, сладко пахло шоколадом. Аптекари и пекари встают раньше всех – прочие венские жители ещё спали. Над провизором роняли мозаику с крыльев два ангела на фасаде аптеки, рассеяно смотрели куда-то вверх, словно ничего тут не было, и ничего они не знают. А сами взгляд отводят…

– Я вас найду, твари! Я всех вас найду! – безнадёжно прокаркал фармацевт в серые небеса. Могучим затягом из сложенных ладоней, по-русски, он докурил брошенный погаными растаманами пробник. В аптеку после этого провизор заходил аккуратно и в задумчивости. Фрау Тильда? Да ну. Те наркоманы? А сколько их было, вообще? Растаманы? Фройляйн Марта? А ведь старуха могла… Туда, туда камеру надо поворачивать, не на прилавок! На прилавке он и сам всё видит…

На подоконнике не было ничего. Ни пальмы, ни стаканчика, ни нескольких просыпанных крошек земли. Невесело подхихикивая, аптекарь запарил себе в фармгенераторе самых хитрых капель от головы и сел писать письмо психоаналитику, мечтая о старой доброй кожаной кушетке и всепонимающем взгляде. Надежд на быстрое облегчение не было – на Венскую кушетку записывались за три месяца. Минимум. И даже на простую – за две недели.

Фармацевт не знал и не мог знать, что за пару минут его отсутствия по залу аптеки первым утренним дозором прошла уборщица, фрау Лёкбулон, с тряпкой. Заприметив юную пальму, добрая старица сразу схватила её мозолистыми пальцами и уволокла туда, куда чистая публика не ходит: на чёрную лестницу. По пути старая бормотала по-немецки: «Всё носют и носют…»

За узкой дверью чёрного хода лестничные марши поднимались светлым колодцем. И на ступеньках, и на подоконниках ожидали своего часа фикусы и алоэ, денежные деревья и кактусы, лимончик и, конечно же, пальмы, ещё четыре настоящие финиковые пальмы. Совсем ещё маленькие.

Вот такая мрачная история получилась. И чтобы не оставлять читателя в горестном недоумении, намажем здесь хэппи-эндом от другой истории, да погуще намажем.

В старые добрые крепостнические времена, при усатом царе Петре, на Урале процветали владетели Демидовы. Патриарх рода, горнозаводчик Акинфий Демидов, был весьма плодовит, и вскорости по всему Уралу боровичками расселись крепкие промышленники Демидовы, как бы не десяток.

Как и положено в большой семье олигархов, время от времени то один, то другой брат-Демидов принимался чудесить. В основном широко, солидно, по-купечески просто. С разворованными подрядами и итальянскими певицами, угнетёнными крепостными, благотворительностью и даже вроде бы с фальшивой монетой – этим ещё сам папинька Акинфий отличился.

И так же, как это обычно бывает, один брат-Демидов, Григорий Акинфиевич Демидов, удался потише прочих, но и побезумнее. На дармовом тепле своих Соликамских соляных вар-

ниц он выстроил избы с большими окнами, даже в крышах окошки наладил. В тёплых избах вдохновенный солевар, млея душой, принялся разводить всяческие фикусы и гибискусы. Так в Империи возник первый нормальный ботанический сад, не бедняцкий аптекарский огород, а именно ботсад.

Вскоре во глубине Сибирских руд кустилось уже с полтысячи разных растений, были и такие редкости, от которых все ботаники плакали навзрыд. Григорий активно менялся гербариями с другими учёными и переписывался даже с самим Карлом Линнеем. Ну и если кто из местных бабок попросит саженец или отросточек – разве же Григорий Акинфиевич откажет? Нет, не откажет, это всем известно.

Но всё хорошее когда-то заканчивается. Хозяина выписали в Питер. Не прошло и ста лет, как однажды зимой подзабытые оранжереи вымерзли – разом и навсегда. Скажем, форточку не закрыли, у нас это очень даже просто. Ещё через десяток лет уже никто толком и не помнил, где тот сад находился.

Лишь в советское время в Соликамск приехал некий краевед, мечтая отыскать у старожилов что-нибудь о ботаническом Демидове. И краевед нашёл нечто невиданное: на южных подоконниках чуть ли не каждой избы, там, где бабкам предписаны уставные фикусы, герань и алоэ, здесь вились, кустились, торчали и шевелились те самые невероятные растения, от которых все учёные вновь заплакали навзрыд.

Так к чему же это всё? Да к тому же, что бабульки крутят этим миром как своим хвостом!

Самые длинные спасы

01. Собачий час

– Четыре часа ночи. Собачий час. – Ваня Филин отвечал на звонок ровно и спокойно сразу по трём причинам: (а) он был очень хорошо воспитан, (б) ни в коем случае нельзя было будить так хорошо его воспитавшую и крайне чуткую бабушку и, наконец, (ц) он и не думал просыпаться.

– Открывай сова, диггер пришёл – голос Рамена звучал… даже сложно высказать как. Вот, говорят, «словно призрака увидел». Так вот Рамен, похоже, призрака не только увидел, но и попил с ним кофейку. По вычурности метафоры Ваня понял, что проснулся, и отвечал уже грубее:

– Четыре часа ночи, повторяю, четыре часа ночи! Что тебе открывать, двери восприятия или шкатулку с люлями?

– Двери, Ваня. И скорее. Я у тебя под дверью и мне кранты, а звонок почему-то не работает! – От такой предъявы Филин проснулся в десять раз сильнее чем обычно.

Через три восьмых секунды он убедился, что у мусоропровода и вправду вжался в угол старичина Рамен и меленько заполошно дышит. В комбезе поверх пижамки, в обвязке с железом, пецлёвой каске с фонарём, с мотком репшнура, опершись на болторез вместо клюки. В заснеженных махровых тапках. То есть диггер спасался, захватив лишь самое необходимое. Губы синие, сам бледный, как поганка. Старик на миг опередил кинувшегося к нему товарища, рухнул плашмя со звуком несгораемого шкафа.

02. Звонок другу

Ещё через несколько колов времени чуть порозовевший Рамен сиротливо грел ладони о бадью сладкого чая и жевал неизбежную оладушку. На ногах у него были толстые шерстяные носки. Шагами судьбы из коридора приблизилась бабушка с градусником и, критично осмотрев фронт работ, повелела:

– Коленька, открой рот.

– Нет! – буркнул дед, не открывая рта.

Чего-то подобного бабуля и ожидала и, не лагая ни такта, перешла к плану «Б»:

– Коля, ляг животом на кушетку!

– Хватит, Борисовна! – взвился Рамен, стремительно пряча выхваченный градусник под мышку. – Ты меня своей заботой в гроб вгонишь!

Не став спорить, удовлетворённая бабушка села на край табуретки и стала сверлить старичину взглядом. А то, мол, намеряет себе не знамо что и завтра в школу не пойдёт.

Филин обожал смотреть такие сценки а-ля «вспомним детский садик». Поначалу ждал, что старые поженятся, или съедутся, или ещё что-то такое, но те всё ходят кругами, хвост торчком, глаза востры, и всех всё устраивает, покуда в ящик не сыграют. В общем мудро. Но! Дело в другом!

– Давай, Рамен. Рассвет уже всё заметнее…

– Ладно. Где-то с час назад мне позвонила старая боевая подруга, Стрелка. Знакомы по подземной тусовке. – старый диггер хрустел костяшками пальцев, хмурил брови, соображая, как сказать.

– Блин, ну поздравляю! И что мне эта встреча старых друзей в ночи? – это Филин для порядку сказал («Не ругайся!» – скрипнула из угла бабушка), чтоб мысль старому направить. Ясно, что не всё так ясно.

– А Стрелка пропала двадцать пять лет назад. Ушла под землю где-то в центре – и всё. В розыск объявили – тогда ещё был всероссийский розыск. Диггера по всей Московской подземле спасы устраивали, одних жмуров пять штук нашли, а её нет… – Глаза Рамена отсырели, паучьи пальцы обминали бока чайной бадейки. Видно, поучаствовал он в тех спасах.

– А сейчас она где?

– В темноте. Говорит, всё нормально, но темно. Мол, давай вниз, помощь нужна, а Ворону и нашим скажи, что всё пучком. Если спросит. А Ворона ещё в первую смуту монтеры на Таганке в старый ствол скинули. Да и наши все того… Кроме меня да дурака Мельхиора – Диггер аккуратно поставил чашку, поднял на собеседников выцветшие стариковские очи. – Это просто срок мне вышёл. Зовёт она меня к себе.

– Что, прямо на тот свет звала? Куда конкретно-то?

– А вот не ясно. Она в офлайн ушла.

03. Лошадь и дрова

Как рассвело, товарищи решительно шагали в Князинькину администрацию, в бывший вавилон-центр «Принц-Плаза» у метро, как раз к открытию. Князю предстояло расплатиться за знакомство с диггерами: либо поддержкой, либо психиатрической помощью. На Рамене были Филиновские берцы на четыре размера больше нужного, в связи с чем сам Ваня вновь рассекал в валенках.

Из ажурных жестяных корон на трубах девятиэтажек поднимались десятки столбов дыма, серых, белых и тёмных. Одни тянулись прядями высоко, мечтая стать облаками в ярко-синем небе, другие постепенно таяли в воздухе, наполняя его запахами смолы и хлеба. Хоть и тёмное время зима, но только зимой есть такие пронзительно светлые дни, когда Солнце искрит через висящий в небе иней, и кругом сияют мелом горы-сугробы, а деревья стоят в крахмальном кружеве, эх! В такие дни вокруг Солнца нередки ореолы, и ложные Солнца, и небесные явления, но сейчас ничего эдакого не показывали.

И слава Богу, а то бы Рамен стал туда тыкать пальцем и шептать, что это Знак. Он и сейчас, солнечным утром, украдкой озирался и свой титанический болторез не выпускал из рук ни на мгновение. Филин решил, что никогда более не поверит в легенды о слабосильности старого диггера – в болторезе было никак не менее пуда.

Особо подозрительно старичина глядел в спину впереди идущей бабке. У бабок есть особо тайное умение плестись посреди широкого тротуара так, чтобы их не обойти и не объехать. Настроение у старой было отличное: судя по пустой авоське, шла она на рынок, и пела что-то людоедски-казацкое меховому шарику на санках позади. Шарик одобрительно попискивал и махал лопаткой.

По колеям от метро мимо идущих весело разбежалась лошадь, снег почуя, с цоканьем, ржанием и лязгом полозьев по проглядывающей брусчатке, да под горочку. В санях поверх груды дров косо примёрз невозмутимый мужик с цигаркой и кнутом.

Тёплый Стан жил под рукой Князя, а Князь, как известно – добро, тепло и свет. Его высокопревосходительство относился к своему девизу серьёзно, сея коммунальные услуги всюду, где длины рук хватало, и не забывая брать добро, то есть коммунальную дань. Немалую. Поэтому мещане предпочитали пользоваться княжей добротой по минимуму, добирая на стороне дровами, ветряками и постоянной готовностью что-нибудь стырить. Как бы ни менялась Россия – она не меняется.

В конце спуска улица сворачивала под прямым углом, и коняка на радостях в тот поворот не вписалась. Под некоторым косвенным углом, подняв искристые волны снега, собачьего кала и дров, упряжка вошла в огромный сугроб-отбойник, копившийся тут всю длинную зиму. С лихим запоздалым «Тпру-у-у!» возница рыбкой нырнул в снежные недра. Через мгновение повсюду звонко запрыгали дрова.

Рамен впервые с начала суток выпустил болторез. Под лязг упавшего инструмента он схватился за колени и стал неудержимо тоненько ржать. Басом хохотала бабка, колокольчиком заливался её укутанный потомок, гыгыкал Ваня Филин, тщась сохранить лицо, ибо тут же прохожая девица-педагогица интеллигентно хихикала в платочек, иногда срываясь на хрюканье. Даже лошадь сдержанно улыбалась, выглядывая из снежно-дровяного бархана.

– Вот значит, из сугроба и расторгуется! – с трудом успокаиваясь, утёр слёзы Рамен. – надо будет потом дров оттуда накопать. – и снова прыснул, не удержался.

Даже не верилось, что в одном пространстве со всем этим сверкающим жизненным великолепием происходит та тягучая странная муть, о которой они собираются бить чело князю.

04. Небольшое отступление о Тёплом Стане

Пятак у метро Тёплый Стан – это стык цивилизаций. Встань на самом перекрёстке Профсоюзной и Новоясеневского, под транспортной эстакадой. На самой эстакаде встать не получится, там торчат для внушительности зенитки, садятся коптеры безопасников и грозно ходят туда-сюда городовые, целеустремлённо так. Лицом ко МКАДу встань, а спиной к бывшему центру города. Теперь представь себя будильником, но никому не говори. С двенадцати до трёх часов на твоём циферблате окажется сам Тёплый Стан, скрытый за стеной из домовых панелей, за колючей проволокой и датчиками Термена. Город тянется до самого Ленинского Проспекта.

От трёх до шести – старый кинотеатр «Аврора», а за ним гостевые кварталы. Там, по идее, селятся неместные, но охочих до дешевизны мещан тоже хватает. Широкая полоса обжитых земель между Профсоюзной улицей и Тропарёвской пущей постепенно переходит в санитарную зону перед выселенными районами. Заграждения стоят аж за Коньково.

В секторе от шести до девяти – метровокзал, конторы, склады, мастерские. Деловое сердце города. Там же городская жемчужина – Теплостанский рынок, он же – Тош-Толкин Базар. Наше торжище славно от Новосибирска до Бангора, непрерывная бодрая ярмарка с купцами, менялами, мошенниками, падшими женщинами и ассирийцем, починяющим сапоги. В самом сердце этих вавилонов обитает в своей резиденции Князь Теплостанский Игорь I. Сидит, как ясный сокол на яйцах.

Ну и с девяти до двенадцати – всё сплошь особо важное. ТЭЦ, автовокзал, гаражи, недоделанный бункер связи и водопроводные резервуары. Гигантские резервуары: стратегический объект ещё 70-х годов XX века.

На случай ужасной московской катастрофы здесь, на самой макушке города, в ста тридцати метрах над Москва-рекой, хранился миллион тонн воды, чтобы несколько суток самотёком снабжать город. Или много миллионов тонн – информация не только засекречена, но и надёжно искажается заботливо распускаемыми сплетнями. После гибели столицы вся вода досталась одному Тёплому Стану. Не будь её – здесь бы тоже все повымерли, не от дрища, так от запора. Первейшая забота любого Теплостанского владетеля есть приращение водяных запасов вкупе с чисткой артезианок и резервуаров. Однажды летним утром за умыванием горожане поняли, например, что водопровод зацвёл – и через два дня Ганзейский союз вылетел с района, как птичка ошпаренная. А до того момента немцы три года были уверены, что держат общество в строгости. Тогда-то князиньку и призвали на княжение.

Так, теперь самое время перестать быть будильником и покинуть перекрёсток. Вон, городовые уже волнуются.

Кстати, на Теплаке нет нищих. Уличный аск запрещён законодательно, и попавшийся на нём тотчас прилюдно получает в левую задницу укол фантогена, а в правую задницу – укол фантоцида. После чего стекает на носилки и бывает уносим прочь. На следующее утро любитель халявы получает свободу и работу. Он выходит на улицу с глазами навыкате от двойственных впечатлений и с метлой в руках, за которую держится, как за последнюю соломинку реальности в этом изменчивом мире. В Тёплом Стане очень, очень чисто.

Правозащитные организации регулярно ставят на вид Князю Игорю, что фантоцид, фантоген, метаэсквилин, поликвиринал, а также их дженерики, дети и внуки до седьмого колена признаны бесчеловечными и подлежат сожжению и дефенестрации согласно постановлению Второго Пражского Учредительного Собора Психиатров, и мы просигнализируем в Новосибирск!

Князь, тяжело вздохнув, исторгает речь про то, что (а) психиаторы были либо под тем же фантогеном, либо в припадке Румынского смеха, так как (б) детей, внуков и колен у фарм-

препаратов не бывает, посему (в) дефенестрировать психоактивные препараты расточительно, а (г) жечь костёр из указанного психотрэшкоктейля без химзы и изолирующего противогаза он лично отказывается, и вам не советует, и вообще, (д) извольте оставить меня в покое, я князь, мне работать надо. И сигнализируйте хоть в Новосибирск, хоть сразу в Катманду! Правозащитные организации не любят князиньку и при упоминании о нём нервно протирают запотевшие очки.

05. Оборотень Рома и дрова

Некоторым образом получилось так, что на Принцеву площадь Ваня и Рамен вышли лишь через сорок минут, делясь мнениями о пережитом.

Человеческое участие в наше время – редкая и ценная вещь, восхищённо вещал Ваня. Стоит лишь немного помочь человеку с рассыпанными дровами – и тот тебя и накормит, и напоит, и с собой отсыплет. Он же из лесу вышел, а там всё проще и чище!

Румяный Рамен соглашался, мелко кивал головой, но восхищался другим. По его выходило, что для кучера употребить на троих под камерами после ДТП – отличное решение. Мол, это всё от шока. А до того – ну ни вот столько!

На входе в Принц-Плазу стакан вертящейся двери с ними внутри замер на пару колов времени. Невидимая ангелица с потолка бездушно советовала не трогать движущихся частей, потому что это приводит к их остановке. Queen в тот же динамик тихонечко играли We will rock you, но стоило Рамену потопать в такт, как ангелица вполне живо рявкнула: «Дед, не сбивай сканер, до вечера простоим!»

Красноглазые друзья послушно сделали умные лица, давя ржач, но на выходе из стакана не сдержались. В огромном полупустом фойе взрыв хохота вызвал немую, прости Гоголь, сцену. Враз из ниоткуда нарисовался опасный безопасник в чорной пиджачной тройке, резкий, как понос. Для создания рабочего настроя за ним неуклюже топтался кубический громила за два метра ростом с прикрытыми глазами на широком бесстрастном лице.

– Молодые люди, прошу вас… – угрожающе начал опасный, однако громила за его спиной, за миг неуловимо перетёкши лицом, по-иному заполнил свой мешковатый костюм. Он нежно положил лопату ладони на плечо начальника и сказал голосом Князя:

– Спасибо, товарищ Соколов, дальше я сам.

Товарищ Соколов, не завершая речи, ушел прочь – словно продолжил давно начатое движение. Только с лица чуть сбледнул. Железный мужик. А кубический мегавариант Князя расцвёл в улыбке, наслаждаясь произведённым эффектом:

– Крайне рад вас видеть, мои подземные друзья. Давайте-ка сразу наверх ко мне. Отпустим яроволка, и он вас проводит.

– Здесь яроволк? – шуганулся было Филин, но кубический, вновь перетёкший во что-то новое в себе, устало прогудел:

– Яроволк – это я. Разноверское имя. – Он открыл печальные карие глаза и помассировал себе затылок. Из-под воротничка выглянул край битого на шее солнцеворота. – Можно просто Рома. Только на минус первый зайдём, там автомат с пепсиколой. И заодно эти все, – он с ненавистью обвёл глазами отмель канцелярского планктона, – не поймут, что вы на княжьем лифте уехали. Вон там справа травелатор вниз. Только он не работает.

Внизу Яроволк Рома действительно пошёл к пепсикольному автомату, накормил его карточкой и, получив ледяную банку, со стоном облегчения приложил себе в затылочную складку:

– Какая же дрянь это ваше воодушевление… Перегорю когда-нибудь.

Вызванный ключом лифт увёз их ввысь, потом ещё долго шли мраморными галереями. Широко жил Князь Игорь. Потом ещё по лестнице спустились на этаж. У самого порога Княжьих покоев охранник-оборотень вдруг поинтересовался у Филина:

– А дрова вам нужны?

– Нет… – оторопело ответил тот.

– Ну тогда я приберу их пока в камеру хранения. – Рома аккуратно отобрал у Филина оба полена, почти скрыв их в кулачищах. – Положу в камеру хранения на минус первом у «Виктории». Вы там позовите меня, я открою. Меня видно. До скорой встречи, дорогие друзья.

Ваню накрыло жаркое осознание: всё это время он бродил с дровами. «…!» – подумал он, входя в высокие княжеские двери.

06. Расследование

За дверьми огромной залы царил полумрак. Вдали мощные лучи высвечивали силуэт Князя в длинной мантии. Донеслось: «О кабель не споткнитесь!» и Филин сразу запутался ногами в проводах. Наступившая тьма через миг проворчала: «Пилот обратно врубите уже!».

Вблизи стало ясно, что его величество вполне величественен, однако вместо мантии одет в халат поверх термобелья и в целом несколько помят. Отстёгнутая борода висела на старинном трюмо. Великосветски касаясь затылка запотевшей бутылочкой «Адского Дьявола», владетель бесшумно увлек гостей ковролинными полями к пёстрой стае кресел, стульев, пуфиков и столиков с нарзанами, стаканами, пепельницами, салфетками, печеньицем – всё это водило хороводы посреди помещения, словно в штабе батьки Махно. Говорит, чувствуйте себя как дома – а у стеночки на каталке скромно круглится длинный синий мешок на молнии. Как бы намекая.

– Вообще-то я из-за вас с полпятого утра на ногах. Падайте, кино смотреть будем. – Пробурчал несвежий князь, первым оседая в слабые обьятия кресла-мешка с пенопластовыми шариками. В руках его появился неровно отрезанный ломтище многопиксельного планшета с торчащими флэшками и проводками.

«Перечить князю – дело кислое,» – заинтригованно подумал Филин, присаживаясь на краешек стула. Рамен, утонувший в пуфиках, с каменным лицом тихонько открывал пиво – в ящике под столом помимо пепсиколы нашлась пара бутылок неплохого калужского.

Вокруг потемнело, и на огромном стенном экране проступило тусклое видео с регистратора. По большей части кадра моталась крепкая лошадиная задница в оглоблях, а над ней было видно, как вниз по пустынной улице, оскальзываясь по снегу и сверкая тапками в лучах фар, улепётывает дедок, влекомый болторезом. Старичина Рамен хрюкнул в пиво.

– Это дорожный патруль в 4:27, – ровно откомментировал Князь Игорь, – А вот в 4:30, более выгодный ракурс.

Теперь камера была стационарная и хорошая, глядела она от школы вдоль длинного подъёма к метро – как раз под ней они только что помогали извозчику с дровами. Рамен набрал под горочку внушительную скорость и, развеваясь сумками, лопатками и ремнями, нёсся прямо на зрителя, подобно испанскому быку. Князинька убавил скорость, включил грозную музыку и продолжил:

– А за десять минут до вот этого ты, Рамен, пообщался с майндфроговским аккаунтом диггерши Стрелки, в миру Стрельниковой Зои Максимовны. Аккаунт молчал четверть века. Ночная собака-барабака давно майндфрога не встречала и очень заинтересовалась. Обнюхала все цепочки прокси, всё пометила и теперь получит много-много вкусных ресурсов. За любопытство.

Под эту админскую дичь на экран выплывал кусок космокарты города с вполне обитаемой Солянкой. Во дворы у Бульварного кольца уткнулась кривая рукописная стрелочка. Судя по наложенной геоподоснове, совсем рядом на глубине Ада таилось что-то круглое.

– Вот до этой стрелочки барабака добежала, понюхала старую циску и свежий фаервол. Что там такое страшное, дядя Коля? не томи!

Дядя Коля Рамен, в какой-то момент повествования облившийся пивом, уже взял себя в руки, отряхнулся от пены и иронично покачал головой:

– Ну ты змей, товарищ Князь… Всё рассказал – а на самом интересном месте сдулся! Да ты впятеро больше меня знаешь!

Князь Игорь сделал сложное лицо и со значением свернул шею бутылочке энергетика:

– Рамен, я монарх просвещённый, мне фантогена не жалко. Могу и квиринальчика внутрипопочно вмазать. Расширим сознание – мало не покажется. А вот ещё пуэрилин есть! Детство вспомнишь, в штаны сходишь…

– Ну ладно, ладно. Видишь, я готов к сотрудничеству? Ты забыл досказать ещё несколько очевидных штук. Судя по карте – там стандартный бункер-поплавок на двух сотнях. Один блок, этажей на пятнадцать. Четыре подходняка, один к стволу, это к связистам, четвёртый… Артезианка, наверное… А это что за домик? Ну-ка дай сюда планшет… Ёлки, что с царёвым домом сделали. Так она мне из домика или из бункера звонила? Слушай, Филин, – Вдруг расцвёл Рамен, – а ведь мы этот бункер пропустили тогда. Я вот его не знаю, а он есть. И Стрелку последний раз у Героев Плевны видели. Точно говорю, там она! Всё, я побёг! Княже, что я тебе должен?

Под грозно мутнеющим потоком диггерского сознания князинька всё больше хмурился, даже встал, ходить начал, но тут уже не стерпел, взревел архиерейским командным басом:

– Должен? А ну-ка сядь, Николай Семёныч, никто никуда не идёт! Ты хоть понимаешь, что когда ночью по городу в панике бежит олдскул-диггер с болторезом – население волнуется? Потому что примета дурная! Да по хорошему ты давно уже должен мастеру пяти веществ душу открывать, сам себя перебивая! Но давай всё-таки разберёмся как воспитанные люди. Что за гражданка, где её носило всё это время? О чём говорили? Где запись разговора? Ну?

Присмиревший Рамен задумался, но не сел, как было велено, а рассеянно побрёл в угол, к белевшему на горизонте холодильнику. Князь сделал ему вслед множество проклятий жестами, рожами и даже пинком ноги. Подумал немного и крикнул:

– Возьми мне там ещё банку злых ядов! На дверце!

– А мне пивка, пожалуйста, если холодное есть… – Ваня Филин, пересев в необъятный пуфик, отрешённо кайфовал от очередных извивов хитрого субботнего утра. На часах ещё десяти не было. И тут до него дошло, что князинькины хоромы – это просто один из залов местного кино-мультиплекса. В соседнем зале взвод визгливых деток смотрел «Тома и Джерри». «Аффигеть.» – подумал Филин. Князь обессиленно рухнул на хрустнувшее десятью суставами директорское кресло:

– Наглые вы, диггеры. Трудно с вами.

– Это вы с ним диггеры, – благодушно махнул рукой Ваня, – и это мне с вами трудно.

– А может всё-таки пару кубов квиринала? Кристаллы – вообще прозрачные.

– Ой да ну… Я ж не знаю ничего. И вообще, я не из этих. У меня, между прочим, выходной сегодня, первый за две недели.

– А князьям выходные не положены?

– Нет.

– Ну, блин.

Минуту джентльмены курили в блаженной тишине. Дым уплывал вверх, тая во мраке. Наконец, не сговариваясь, ткнули пальцем в угол, где в чреве двустворчатого холодильника хищно рылся Рамен:

– Это всё он виноват.

И стали сидеть дальше.

07. Четыре контакта

– Я так не согласен! – даже на операционном столе старый диггер не терял боевитости. Из-под простынки сиротливо торчали когти в дырках носков. – Нельзя общий наркоз! Я же ж пьяный! Вдруг кони двину?

– А никто тебе общего наркоза и не предлагает. Хотя так даже удобнее было бы. – Князь терпеливо нависал над Раменом с молитвенно воздетыми руками в синих перчатках. – Есть масса других забавных веществ. Или давай новокаином обколю! А можно ещё заморочиться и замутить периферическую анестезию по Войно-Ясенецкому.

– Я не переношу уколов!

– Давай Роме позвоним, – навис со второй стороны Филин в хирургической маске и белой шапочке, – он придёт и ударит тебя по голове поленом.

– Стакан спирта дайте! – воззвал старичина с тем же самым жаром, с каким однажды было сказано: «Моя фамилия Сусанин. Где польская делегация?» Это было приемлемо. Воды, сто спирта, воды, огурчик и ещё три воды пролетели в диггера мелкой пташечкой. Старого успокоили, уложили.

Проектор рисовал на стене гигантский изгиб Раменова позвоночника, сиротливую клетку рёбер, и вообще, много полупрозрачных костей с шурупами, штифтами, проводами, тягами, коробочками модулей – всё металлическое сияло огнём, как плоть ангела. Всё мажь олдкаином, тут надо отсчитать, значит, ребро, ещё, ещё, ого, да вот они, прямо блямбы прощупываются… «Э-э-эх!» – залихватски крикнул Рамен, когда Князь решительно рассёк ему кожу на четырёх рёбрах. Хирурги-энтузиасты отошли на шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.